

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

41

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Кобылин. Наш антикоммунизм.</i>	1
<i>Протоиерей Д. Константинов. "Московская баллада" об Андрее Рублеве.</i>	3
<i>А. Гравин. Терроризм в России.</i>	6
<i>Памяти профессора А. И. Опульского.</i>	12
<i>А. Федосеев. Человеческий фактор.</i>	14
<i>Горбачев и его борьба (Анекдоты)</i>	21
<i>Е. Кармазин. Экономические заметки</i>	22
<i>Н. Воейков. О корпорациях в Киевской Руси и Великом Новгороде</i>	28
<i>Д. Петров. Загадки языкознания.</i>	32
<i>В. Рудинский. Обзор зарубежной печати.</i>	34
<i>Г. Алексенко. "Основы научного атеизма".</i>	41
<i>Внесенная в американский Конгресс резолюция № 494</i>	44
<i>Письма в редакцию.</i>	45

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 41

Июнь 1986

МЮНХЕН

НАШ АНТИКОММУНИЗМ

Явление антикоммунизма за почти семидесятилетнюю давность претерпело целый ряд изменений. Прежде всего надо коснуться основы коммунизма, то есть марксизма. К великому сожалению, надо отметить, что до сих пор в интеллектуальных кругах всего мира сохранилось мнение о "научности" марксизма. В Европе есть страны, как, например, Швеция, где социалисты-марксисты находились у власти десятки лет. В Англии лейбористы, они же марксисты, и в Западной Германии социал-демократы, тоже марксисты.

О Советском Союзе и странах Восточной Европы, точно так же, как и о Кубе, Анголе, Эфиопии и Афганистане, как и Китае и индокитайском полуострове, говорить не приходится: они все правоверные марксисты-коммунисты.

Но еще и раньше, до революции, в России были люди с большим интеллектом и эрудицией, как, например, П. Струве и С. Булгаков, которые в свое время были не только марксистами, но стремились распространять марксизм в России, популяризировать его всяческими способами и только значительно позже "раскаялись" и стали верующими, а Булгаков стал священником. Отказать английским или немецким марксистам в отсутствии понимания этого феномена, а тем более русским эрудитам типа П. Струве, очень трудно.

Все они отлично в этом разбирались и знали, что такое марксизм. Да и в настоящее время в прессе и в разговорах с квалифицированными собеседниками проскальзывает тенденция какого-то признания за марксизмом якобы научного подхода к анализу всей сложной проблематики нашего существования. В этих случаях все упирается в "евангелие" марксизма — "Капитал" Маркса или, скажем, в "Материализм и эмпириокритицизм" Ленина.

Между прочим, Маркс считается основателем "научного социализма" и "экономического материализма".

Мы не будем входить в обсуждение всех "ляпсусов" научного характера в "Капитале" Маркса. Это особая тема и очень ответствен-

ная, требующая тщательного анализа всех высказываний Маркса. Нам приходилось в прошлом разбирать все эти вопросы в отдельных трудах. Остановимся только на категорическом утверждении, что их было немало. Приведем все же один пример из "Капитала". Маркс утверждает: "что то общее, в силу чего можно обменивать товары, есть их меновая стоимость. Она определяется количеством затраченного труда" (Karl Marx, "Kapital" 4 Auflage, T. I, стр. 17). Что же обозначает количественное измерение труда? Исключительно его продолжительность во времени. За основу берется простая средняя рабочая сила. Маркс говорит: "Как ценность все товары суть только определенные массы сгущенного рабочего времени" (Том I, стр. 5). Это понимается, как "расходование человеческого мозга, мускулов и нервов". Квалифицированная работа понимается, как "помноженная простая работа". Цена ее вычисляется пропорционально умножением количества средней работы.

Для человека, привыкшего мыслить логично, а следовательно, совершенно беспристрастно, возникает немедленно вопрос: а что это такое — простая средняя работа? Ведь это абстракция. Что берется за единицу измерения? Какая это работа? Кто ее выполняет? Черно-рабочий или земледелец? Землекоп или уборщик? Определение Маркса совершенно произвольно, как и все помножение. Никакого объективного критерия измерения здесь нет. Потому утверждение, что только безличный труд, который измеряется временем, производит ценности, есть ложь, нужная для "научности" экономического материализма Карла Маркса. На таких же зыбких основах держится и знаменитая "прибавочная стоимость".

Не вдаваясь в дальнейший разбор "Капитала", ограничимся только тем, что укажем на то, что в "Капитале" их немало, так что о научности этого труда можно говорить, только исходя из демагогического приема, построенного на социально-экономическом нонсенсе.

Что же касается практики марксизма-ком-

мунизма-ленинизма, то он целиком основан, прежде всего, на лжи, демагогии и стремлении всю власть сосредоточить в руках коммунистической власти.

Вся беда февральского периода 1917 года заключалась в том, что бывшие у власти социалисты рассматривали коммунистов как партнеров, исключая какие-либо подвохи, в то время, как корифеи коммунизма Троцкий и Ленин открыто обзывали все партии, не следовавшие их указке, "лакеями буржуазии". От того все и пошло. Тлетворный дух непротivления коммунизму расшатал все бывшие еще устои так, что большевики шли ко власти, как по расписанию. Последовавшая затем гражданская война руководилась не такими людьми, которые знали, чего хотели, а большевики сразу объявили беспощадный террор, применяемый ко всем и повсюду. А "заграница" держалась какого-то "нейтралитета". Недаром Ллойд-Джордж рекомендовал командованию Добровольческой Армии встретиться на конференции с большевиками и "договориться о мире". В таком же духе вещал и президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон.

Весь стиль всех начинаний большевиков сводился к одному и тому же — лишению людей имущества и таким образом к их полной зависимости от советской власти. Полное пренебрежение всеми естественными человеческими нормами в общении с людьми, ненависть к религии, заложничество, впервые примененное в человеческой истории в неслыханных размерах, и беспощадный террор, сведший в могилу уже в первые годы революции сотни тысяч людей, — такова практика коммунизма.

Террор начал Ленин, Сталин усовершенствовал его в невиданных размерах, когда "по линии НКВД" бросали в тюрьмы и лагеря миллионы ни в чем не повинных людей. И как же повезло всей этой кремлевской шайке, когда началась война и неприятель, вопреки здравому смыслу, стал морить голодом миллионы пленных, издеваться и измываться над ними, применяя побои и мучения!

Что касается "просвещенного" Запада, то после выданных англо-американцами сотен тысяч несчастных людей на мучения, пытки, заключение в лагерях и смерть, после всего этого Запад потерял все свои бывшие преимущества гуманного отношения к людям.

Но за последние десятилетия начал происходить какой-то непонятный процесс — люди стали избегать называть себя антикоммунистами. Конечно, еще и до войны, в "старой" эмиграции, были такие явления, как "Трест", когда чекистам удалось провести убежденных антикоммунистов, были похищения генералов Кутепова и Миллера, устроенные Скоблиным, были младороссы, которые

во время неслыханного искусственно устроенного голода на Украине твердили на все лады о "Царе и Советях" и о том, что в России началась "национальная революция". А уже совсем недавно из уцелевших младороссов покойный князь С. Оболенский в статье "К первым итогам", "Русское Возрождение" №1, стр. 307, пишет: "Ценой неописуемых страданий наш народ не только изжил лжеучение марксизма-ленинизма, от которого в России остались почти уж только по инерции держащиеся внешние формы..."

То есть как это понимать? Как "только по инерции держащиеся внешние формы" могут быть так активны? А захват коммунистами власти в Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Адене, Афганистане, Никарагуа? Захватили власть в этих странах марксисты-коммунисты. И эта тенденция расширяется, а никак не уменьшается. Теперь, видите ли, появилось модное движение "отрицательного понятия" антикоммунизма. Надо, видите ли, собрать все положительные силы вместе и преодолеть это страшное зло нашего столетия.

Еще больше можно заметить это странное отношение у людей "второй"* и в особенности "третьей" эмиграции. У большинства людей третьей эмиграции все повадки людей, выросших и созревших при коммунистической системе. Вероятнее всего, что они просто не умеют думать иначе. Коммунизм не преодолен ни в России, ни в Европе, ни в Азии, не преодолен во всем мире.

А потому не будем строить иллюзий и будем продолжать борьбу с коммунизмом. И слово Антикоммунизм остается нашим заветным словом, нашим руководством в нашей деятельности.

Мы часто забываем, что Советский Союз после второй мировой войны стал сверхдержавой такого стиля, как и Соединенные Штаты. Произошло это, к сожалению, по оплошности (или от чего-либо другого) "Великих Западных Стран", Ялтинская конференция, таковая же и в Потсдаме, и все дальнейшие соглашения с западными демократиями привели к такому положению, что Советский Союз стал угрожать всему миру, что и входило в планы зачинателя коммунизма в России Ленина. Таким образом, и Ленин и Сталин держались одной и той же линии, которая является неизменной традицией советского режима. Затем шла эра Хрущева, который, наряду с "оттепелью", сразу усилил преследование религии. Тогда были закрыты тысячи церквей.

После *coup d'etat* Брежнева "со товарищи",

* "Вторая" была как раз очень антикоммунистична, т. к. вышла из страшного сталинского времени. (Прим. ред.)

в результате которого Никиту, как и Жукова, сняли со всех постов и подвергли домашнему аресту, на советскую политическую сцену снова вышел "коллектив", который уже традиционно, так сказать, перешел в "культ личности" "второго Ильича". Ничего лично из себя не представляющий Брежнев преподнес миру "доктрину Брежнева", согласно которой Советский Союз проводит "освободительные" акции, то есть попросту насаживает коммунистические режимы там, где это уже достаточно "созрело", при помощи саботажа, угроз и "братского" советского влияния.

Следующие кремлевские владыки продержались очень недолго и отправились в иной мир.

Теперешнее руководство в лице М. Горбачева тшится что-то показать, говоря затасканными фразами о всех реформах, которые не могут иметь места, так как в противном случае вся советская действительность будет опрокинута.

Но мы остаемся при своем прежнем положении. Антикоммунизм — это наше самое заветное слово, и мы никак не разделяем западных иллюзий в отношении марксизма, отвергаем любые послабления в четком установлении личного поведения, несмотря ни на какие "новые" влияния.

В. Кобылин

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

"МОСКОВСКАЯ БАЛЛАДА" ОБ АНДРЕЕ РУБЛЕВЕ

В 1985 г. в СССР отмечалось 625-летие со дня рождения Андрея Рублева. И хотя глубочайший духовный смысл творчества Рублева совсем несозвучен с идеологией и официальным мировоззрением, существующим в СССР, тем не менее, власть, как и всегда, стремится приспособить все что угодно для своих целей, не стесняясь исказить и подтасовывать факты в выгодном ей направлении.

На Московской международной книжной ярмарке было представлено пять книг известного советского ученого, доктора искусствоведения В. Г. Брюсовой. Все ее книги посвящены древнерусской живописи, т. е. древнерусской иконе, если называть вещи своими именами. В прошедшем году В. Г. Брюсова приступила к книге о величайшем русском иконописце-художнике Андрее Рублеве. В связи с этим московские "Известия"* поместили беседу-интервью с В. Г. Брюсовой по поводу Андрея Рублева. И когда читаешь строки этого своеобразного интервью, то и зная нравы советской печати, все же начинаешь удивляться: до чего доходит в фальсификации истории и Брюсова, и столичная газета, как советские ученые готовы идти навстречу власти в ее неумных попытках исказить то, что ей не по вкусу. Брюсова, всю свою жизнь посвятившая древнерусскому искусству, не может не знать, кем в действительности был Андрей Рублев. Крупный советский ученый фальшивит и извивается во все стороны

именно там, где этого делать нельзя. Андрей Рублев — великий мастер-иконописец, а не просто мастер и не просто художник, как об этом говорит Брюсова в своем интервью "Известиям".

На вопрос сотрудника газеты об Андрее Рублеве как о человеке Брюсова дает весьма обширный, но двусмысленный ответ. Этот ответ-характеристика Рублева несомненно несет в себе положительный заряд, но одновременно полностью искажает духовный облик Андрея Рублева.

Приводим характеристику Рублева как человека, данную Брюсовой:

"Это был исключительный по своим душевным качествам человек, мыслитель, философ, человек высокой духовной культуры, его ценили и уважали современники. Главные свидетели устройства внутреннего мира Рублева это, конечно, образы, (?! — Д. К.), которые он создает. Вы не найдете у художника (?) ни злодеев, ни просто безразличных лиц, он ко всему относится необычайно горячо и страстно. Видно, как он хочет показать ближним кратчайший путь к совершенству. Человек в его представлении добр и должен всего себя отдавать на служение людям, нести им единение, любовь. Все эти качества художник видел в своем народе. Он не первым отошел в живописи (?! — Д. К.) от сложившегося тогда византийского типа, но лишь ему удалось столь убедительно раскрыть и внешние черты русского человека, и главное в национальном характере: душевность и доброту, эстетическую одаренность и готовность к подвигу на благо народа".

Андрей Рублев прежде всего был монахом-иконописцем, глубоко православным человеком, богословом, создавшим замечательную

* "Известия", 30 сентября 1985; см. также нашу статью: "Андрей Рублев по-советски". "Новое Русское Слово", Нью-Йорк, 25 октября 1985, стр. 5, №26. 925. Печатаемая в "ГЗ" статья является расширенным и переработанным вариантом статьи в "НРС".

школу "умозрения в красках", раскрывавшим в своих иконах догматы православного богословия, делавшим их доступными православному народу. Андрей Рублев — богослов строго православный, но одновременно оригинальный, творчески перерабатывающий в живописи свое мировоззренческое кредо. И не какие-то живописные "образы" созданы им, о которых что-то не вполне понятное вынуждена изрекать доктор искусствоведения, а священные изображения вышних сил, Первообразы, данные в духовном прозрении Андрею-иконописцу. Для Рублева каждая икона, написанная им, была плодом огромной духовной подготовки, сочетаемой с молитвою и постом. Вопреки уверениям Брюсовой, Рублев был не живописцем, а иконописцем. И совсем напрасно пытается это скрыть Брюсова, игнорируя этот неопровержимый исторический факт. Попытка, не выдерживающая самой снисходительной критики, грубая и неумелая фальсификация личности А. Рублева, подрывающая авторитет советской науки*.

Эта фальсификация достигает своего апогея, когда представитель советского официоза спрашивает: "Скажите, что вам, как человеку двадцатого столетия, всего ближе в творчестве этого художника русского средневековья?" И он получает ответ "лукавого царедворца", снова пытающегося перевернуть карты истории. Доктор искусствоведения начисто забывает, кем прежде всего был Андрей Рублев, и с предельной угодливостью отвечает:

"Если сказать коротко — патриотизм, его гражданственность... Он был современником Дмитрия Донского, одержавшего замечательную победу на Куликовом поле. Случайно ли такое совпадение?... Нет, не случайно. Руку с мечом, поднятым на поработителей, и руку с кистью двигало одно общее чувство беспримерного патриотизма, горячей любви к своему народу, вера в его судьбу".

Необходимо в связи с этим отметить: российское Православие в своей исторической перспективе всегда сочеталось с патриотизмом. Защита православной страны от всякого рода врагов, стремящихся ее разрушить, — это вынужденная и духовно оправданная защита Божьего домостроительства, в котором по велению Промысла участвует каждый народ в соответствии с данными ему талантами. Все это совершенно бесспорно, но именно за это и шельмуют сейчас нас новоявленные ре-

форматоры Православия, обвиняя "русских" в его искажении. Но говорить, что в своей творческой работе иконописец Рублев руководился едва ли не прежде всего национально-патриотическими чувствами, — значит кардинально и заведомо исказить истину. Андрей Рублев в первую очередь руководился своей верой в Святую Троицу, и его творчество является не чем иным, как молитвой к Богу, выраженной в иконе. Все остальное производное от этого. Эта главная и совершенно несомненная реальность откидывается советской ученой, стремящейся по заданию "свыше" сделать бывшее не бывшим и до предела исказить облик Андрея Рублева.

Одновременно с высказываниями советского искусствоведа и нападка на российское Православие мы слышим свободный голос из Москвы, говорящий нам о том, как думают по данному вопросу современные верующие люди в СССР. На страницах "Вестника русского христианского движения"* была опубликована статья А. Миров — "Русский вопрос", полученная редакцией непосредственно из Москвы. Статья Миров — свободный голос православного россиянина, затронувшего тот же самый церковно-национальный вопрос. Вот что он между прочим пишет: "...Единственно возможной и правильной основой всякого национального движения является основа церковная. Мы ни в коем случае не можем призывать и не призываем идти в Церковь из национального чувства. Но если что и делать из национального чувства, так это идти в Церковь". И далее: "Единственно подлинный патриотизм — патриотизм христианской нации. Единственно возможный путь возрождения России — возрождение через Русскую Православную Церковь". Но одновременно на этих истинах, с нашей точки зрения, не требующих особых доказательств и проверенных многовековым церковным опытом, играют и представители советской науки, превращающие Андрея Рублева в какого-то полугражданского-полуцерковного деятеля в стиле пресловутых народныхцев.

Советский журналист с директивной шпателькой в руках никак не может успокоиться. Он спрашивает Брюсову: "Как вы думаете, если бы вдруг волшебным образом Андрей Рублев оказался нашим современником, что и в какой манере он стал бы писать?" И на это получает ответ. Рублев был бы реалистом и гражданином и писал бы картины на народные темы, продолжая линию Сурикова.

* Достаточно подробное изложение взглядов В. Г. Брюсовой дано в статье: Елена Соколова, "Новое об Андрее Рублеве", "Новое Русское Слово", Нью-Йорк, 15 декабря 1985, стр. 5. Автор статьи справедливо называет Андрея Рублева великим русским иконописцем, но анализа взглядов Брюсовой не дает, останавливаясь главным образом на исторических открытиях, сделанных Брюсовой.

* "Вестник Русского Христианского Движения". Париж — Нью-Йорк — Москва, № 143, 1984 и № 144 1985. См. стр. 179 в № 143. Это одно из многих мест статьи, последовательно рассматривающей русский вопрос в свете российского Православия.

Брюсова все же воздержалась от предположения, что Рублев писал бы в духе социалистического реализма. Журналист интересуется: как бы мог писать свои картины Рублев в реалистическом духе, если вспомнить, что все его "герои" фантастичны и взяты из "христианской мифологии". Оставим на совести советского журналиста зазубренные им "истины" о так называемом "христианском мифологизме". На этот раз Брюсова довольно спокойно и тоже в духе "социалистического реализма" парирует вопрос журналиста. По ее мнению, к "христианской мифологии" надо относиться так же спокойно, как к античной. Нас не тревожат древнегреческие и древнеримские боги, но... А это "но" заключается в том, что в СССР все имена, связанные с Новым Заветом, психологически не приравниваются к античным богам. Христос и все связанное с ним остается не только для верующих, но и для неверующих и даже для завязых атеистов живым, действующим, актуальным, отнюдь не "мифологическим". Для одних — Тем, к Кому обращаются с молитвой, для других — объектом упорной борьбы, часто борьбы отчаянной, непрекращающейся, но явно безнадежной. Это, быть может, интуитивно чувствует и советский журналист, и некоторые другие, утверждающие, что многим людям "неловко произнести такие слова, как Троица, апостол Лука, Матвей" и вообще неудобно иметь дело с этими персонажами. Почему же неудобно? Потому что, несмотря на не прекращающиеся более чем полувекковые гонения, "христианская мифология" осталась в жизни СССР совсем не мифологическим, а весьма реальным историческим фактором.

Брюсова отмечает: Рублев "добивается того, что краска у него начинает совершенно по-особому звучать. И вещи его при внимательном созерцании просто захватывали и поражали. Когда рядом мы ставили какую-нибудь современную реалистическую картину, она враз меркла и словно бы обесцвечивалась. Рублев просто волшебник в умении перенести свое реальное впечатление от предмета (!—Д.К.) на условный язык искусства... Секрет же, как я полагаю, кроется в творческом методе художника, который требует серьезного изучения". Брюсова совершенно права. Метод Рублева действительно требует глубокого изучения и полной перестройки подхода к его творчеству, так как этим методом является Православие во всей его блистательной духовной красоте.

Брюсова этого сказать прямо не может, но кое-что как бы обиняком сообщает советскому журналисту.

"Вещи, которые выходили из-под кисти Рублева, — говорит Брюсова, — давали ощущение подлинной жизни. Он обладал абсолютной зрительной памятью, и когда, к при-

меру, писал какого-либо ангела, я уверена, перед глазами его стоял образ где-нибудь увиденного отрока. Всею в своих произведениях (!—Д.К.) он придавал особое чувство духовности, потому что его интересовала прежде всего душа человека, его интеллект, а вовсе не материальная сторона, которую тогда особенно хорошо умели передавать в Европе".

Правда смешивается у Брюсовой с, мягко выражаясь, весьма существенными неточностями. Трудно говорить об Андрее Рублеве с расчетом угодить "и нашим, и вашим". Иконы Рублева действительно дают ощущение подлинной жизни, но весь вопрос заключается в том, что понимать под подлинной жизнью? Нашу материальную жизнь или что-то другое? Данный и весьма существенный вопрос Брюсова обходит молчанием. Права она, когда говорит, что Рублев в своих иконах всею придавал особое чувство духовности. Верно это, абсолютно верно, но дальше начинается подсоветская чепуха. Рублева интересовала несомненно душа человека, но это не было главным. Главным, что его интересовало и к чему он стремился, — был духовный мир, существующий вне нас, а в том числе его интересовал и дух человека, как выражение образа и подобия Божия. Но об этом по понятным причинам не принято говорить на интервью с представителями московской газеты. Подобные, кардинальные вопросы, являющиеся сущностью творчества Рублева, надо маскировать под интерес Рублева к человеческой душе. Но не дальше этого... Жалкое зрелище, на которое почему-то некоторые закрывают глаза.

Брюсова — знаток древнерусского искусства. По ее мнению, "художник такого масштаба не мог всю жизнь сиднем сидеть в глухих монастырях". Она утверждает, что Рублев был, конечно, знаком и с западноевропейским искусством и побывал в Болгарии, где принял участие в росписи храма апостолов св. Петра и Павла в Тырново. Все это возможно, так же, как и известно то, что в это время в Болгарии наблюдался расцвет культуры и там, несомненно, знали о всех достижениях мирового искусства.

Но Спасо-Андроников монастырь близ Московского кремля на Яузе-реке, в котором Андрей Рублев прожил тридцать лет, никак захолустным, глухим монастырем не назовешь даже из-за его чисто географического местоположения. Но и помимо этого, Брюсова, вступаясь за Рублева и утверждающая, что художник его масштаба не мог сидеть в глухих монастырях, не хочет понять весьма простые и существенные факты. Не только Рублев, но и другие, не менее крупные и талантливые деятели Церкви сознательно уходили в глухие монастыри, скиты, пустыни, чтобы отойти подальше от суеты "мира сего", и за-

нимались огромной творческой работой, которая наиболее была плодотворна в отрыве от земной суеты. Правда, многие из них не прекращали общения с миром, часто по чисто техническим причинам, но одно дело — временное общение, а другое — постоянная жизнь в миру. Андрей Рублев, судя по имеющимся данным, не был отрезан от мира, но явно предпочитал тишину монашеской обители шумной и суетливой Москве.

Московский журналист обращает внимание ученой на недостаточную популярность древнерусского искусства в широких массах, Брюсова объясняет данный факт тем, что по этим вопросам мало появляется книг, а то, что появляется, выпускается в малых тиражах.

Но это не все... Отмечается молодость этих изданий для широких кругов читателей. И мы в связи с этим читаем реплику Брюсовой, что читателям "надо кое-что объяснить" (!). Что же можно объяснить читателю? Древнерусское искусство или попросту древнерусская икона малодоступна или вообще недоступна пониманию широких кругов в силу почти вековой политики власти, изгоняющей из ума и сердца людей все связанное с религией. Объяснять "кое-что" лю-

дям совсем не надо. Надо просто дать свободу религии, отменить все ограничения и притеснения в области религиозной жизни страны, и тогда древнерусское религиозное искусство не только засияет во всей своей красоте для всех, кто с ним так или иначе соприкоснется, но и очень скоро станет абсолютно понятным для всего населения СССР. А пока приходится пробавляться от начала до конца фальсифицированными интервью, в которых эзоповым языком кое-где дается чуть-чуть понять "кое-что" и в весьма геоопатических дозах. Пишущий эти строки ничего не имеет против Веры Григорьевны Брюсовой, являющейся крупным специалистом по древнерусскому искусству. Но, соприкасаясь с этим искусством, искусством стопроцентно религиозным, церковным, православным, она не могла не осознать духовную красоту "умозрения в красках", не понять того, чего не понимает сейчас большинство ее соотечественников, она не могла не проникнуть в тайну духовного мира, являющегося тоже "объективной реальностью" для всех познавших хотя бы частично тайны бытия. А если это так, то было бы лучше, если бы специалисты, подобные Брюсовой, не давали полуфальшивых интервью в советских газетах.

А. ГРАВИН

ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ

О книге А. Герасимова "На лезвии с террористами"

Книга представляет собой воспоминания генерала Александра Васильевича Герасимова, начальника Харьковского Охранного отделения, назначенного в начале февраля 1905 года по рекомендации А. А. Лопухина — директора Департамента полиции в Петербурге — на ту же должность в столице. Он противился своему перемещению, но приказ был свыше, и он принужден был подчиниться. Человек решительный, предприимчивый, изучивший обстоятельно все, чем жило революционное подполье, он весь отдался своей работе, не зная ни отдыха, ни формальных отпусков. Будучи убежденным монархистом, он, однако, относился отрицательно к крайне правым организациям и к распутинской клике. Для него и те, и другие представляли собой такую же опасность, как и революционеры. В его понимании, одни вели атаку на монархию извне, а другие разрушали ее изнутри. В своей деятельности он выступил против Распутина, чем навлек на себя опалу Двора и, вместо ожидаемого им назначения на пост товарища министра внутренних дел (при Столыпине), он был откомандирован генералом для поручений при этом министерстве, чем был отставлен от

всякой работы в политической полиции, а в начале 1914 года был принужден подать в отставку, после чего жил как частное лицо. Его воспоминания были написаны во Франции, где он и умер. Они были изданы в 1934 году на английском и немецком языках и только в 1985 году на русском языке в Париже издательством ИМКА-ПРЕСС. Оригинал его рукописи хранится в Гуверовском институте в Стенфорде. Книга написана простым и ясным языком, не оставляя у читателя недоуменных вопросов. Нет в ней ни самохвальства, ни необоснованных упреков или обвинений по адресу своих противников. Достаточно только указать на тот факт, что Герасимов не только не присоединился к обвинителям своего врага Курлова и его ближайших помощников в том, что "именно они прямо или косвенно организовали убийство Столыпина" в 1911 году, но пишет следующее: "Ни малейшего намека на правильность такого обвинения никогда и никем найдено не было".

Но вину за недопустимую халатность, когда Богрова оставили в театре без всякого наблюдения, считает настолько явной, "что их с полным основанием можно было предать су-

ду". Главная ценность его воспоминаний заключается в том, что он описывает события, в которых он принимал непосредственное участие или был их свидетелем, редко прибегая к ссылкам на сведения, полученные им от современников.

Внимательный читатель найдет здесь немало материала для размышлений над прошлым нашей страны — грехов у ней было достаточно, а у кого их не было? Но, рассудив здраво, без предубеждений, сегодня, в далекой перспективе, каждый должен признать, что разрушать вековые устои великого государства, разрушать до основания, было актом безумия, повергнувшим не только Российскую империю, но и весь мир в хаос и превратившим Европу в арену зверских диктатур с войнами, издевательствами над личностью, страданиями и смертями десятков миллионов людей, виной которых было их социальное происхождение, несозвучность с режимом или же принадлежность к "низшим" расам — русской, польской, еврейской. В старой России революционный терроризм был орудием борьбы против существующего строя — руками молодежи, опьяненной лозунгами свободы, равенства, братства и блага всего человечества. Бросались бомбы, стрелялось из пистолетов, лилась кровь и жертвы были на обеих сторонах. К чему это привело — где это "голубое море социализма", социализма "с человеческим лицом"?

Герасимов был вызван из Харькова генералом Д. Ф. Треповым, тогдашним генерал-губернатором Петербурга. На аудиенции у Трепова в Зимнем Дворце 17 февраля 1905 года он был назначен руководителем Петербургского охранного отделения. Трепов был очень взволнован, им было только что получено сообщение об убийстве великого князя Сергея Александровича. Сообщив Герасимову, что ему стало известно о приезде из-за границы новой террористической группы, он добавил: "Любой ценой схватите этих людей!". Когда Герасимов начал свою работу, он нашел охранное отделение совершенно дезорганизованным; по его суждению, оно было "карикатурой на политическую тайную полицию". В дальнейшем он постепенно реорганизовал свое отделение и набрал надежных людей. Но, что бы он ни предпринимал, напасть на след террористической группы ему в течение трех недель никак не удавалось. Наконец, 10 марта, чуть свет, звонит телефон — взрыв в гостинице Бристоль, четыре комнаты разрушены, один убитый. Герасимов мчится на извозчике туда и находит там полуразрушенные комнаты и в одной из них куски человеческого тела. Позже он узнал, каков был план террористов. Разорванный террорист изготавливал бомбы для покушений 14 марта, в память казни террористов в 1881 году. В

этот день в церкви при Петропавловской крепости должна была совершаться торжественная панихида по Императоре Александре II.

По разработанному плану, предполагалось забросать разъезжающих сановников бомбами и одновременно убить великого князя Владимира, министра внутренних дел Булыгина и его товарища Дурново. Секретный сотрудник Татаров, вскоре убитый террористами, назвал несколько лиц, а остальных разыскивали агенты, и 29 и 30 марта все 20 террористов были арестованы и посажены в Петропавловскую крепость.

Дальнейшее наблюдение агентов привело их к дому сановника, но он отказался впустить их к себе. В конце концов сановник разрешил полицейскому чиновнику войти в дом, где был найден чемодан, в котором оказался динамит и составные части бомб. Этот чемодан был передан родственнице сановника Татьяне Леонтьевой, дочери Якутского губернатора. Она имела доступ к царскому Двору и на одном придворном балу должна была преподнести царю букет цветов и в это время застрелить его из револьвера, спрятанного в букете. Леонтьева была арестована и, просидев несколько месяцев в Петропавловской крепости, душевно заболела. Родственники добились ее освобождения, лечили, а потом отправили в Швейцарию. Революционеры предложили ей отдохнуть, но ей не терпелось, и она решила действовать самостоятельно. В одном отеле, в Интерлакене, она застрелила богатого француза, приняв его за Дурново, за что была приговорена к многолетнему тюремному заключению. Герасимов пишет: "В первый, но не в последний раз мне пришлось увидеть рожденную для счастья молодую жизнь, обреченную на вечную муку из-за причастности к революции".

Чтобы объяснить политическую обстановку 1905 года, Герасимов вспоминает близкое прошлое. 15 июля 1904 года был убит министр внутренних дел Плеве. "С ужасным концом Плеве начался процесс быстрого распада центральной власти в империи. Все свидетельствовало об охватившей центральную власть растерянности". На место Плеве был назначен князь П. Святополк-Мирский, положивший начало политической "весне" — с собраниями, банкетами, резолюциями и пр. По всей России пошли митинги, съезды с призывами к либерализации режима. Собрания устраивали и выносили резолюции с политическими требованиями все, кому только было не лень, даже предводители дворянства. "Всему этому предшествовало неудавшееся движение — зубатовщина", которое поддерживал Плеве. Полковник Зубатов был начальником Московского охранного отделения. Он очень хорошо разбирался в партийных программах и,

кроме улучшения техники политического розыска, проявил свою инициативу новым направлением в борьбе с революционерами. "Он стремился на почве защиты экономических нужд рабочей массы создать легальное движение — а именно, рабочие союзы, лояльные к власти", он надеялся, что там пропаганда революционеров потеряет свою силу. Зубатова перевели из Москвы в Петербург, в департамент полиции. В больших городах основывались рабочие союзы, и им оказывалась денежная поддержка. Зачем устраивать революцию, если сам царь стоит на стороне рабочих? Но летом 1903 года Зубатов впал в немилость и был удален. Однако рабочие общества не были распущены, и зубатовский аппарат продолжал существовать. Герасимову пришлось иметь дело со знаменитым Гапоном, и он поинтересовался его прошлым. Родом с Полтавы, священник Георгий Гапон после духовной семинарии окончил в Петербурге духовную академию и приобрел знакомства и популярность в столичном обществе. Отличаясь большим даром слова, он легко получил место священника в одной из петербургских церквей. Зубатов поручил ему создание рабочего общества в столице, пообещав полную поддержку правительства. В конце 1904 года число членов общества доходило до восьми тысяч, и все шло гладко. Но после удаления Зубатова над обществом не оказалось со стороны полиции никакого серьезного контроля, в результате чего и произошло в столице трагическое событие "кровавого воскресенья". С Путиловским заводом у рабочих произошел конфликт, в котором пострадали и некоторые члены гапоновского общества. Конфликт не удалось ликвидировать, и рабочие забастовали, к ним присоединились другие заводы, типографии, электрические станции и газовый завод. Во главе стачки стоял Гапон. Каждый день он выступал на рабочих собраниях. Сотни тысяч верили ему и готовы были пойти за ним, куда бы он их ни повел. А он звал их идти к царю: "Только царь может вам помочь, он не имеет других интересов, кроме блага народа". Началось собрание подписей под петицией, и на воскресенье 9 января 1905 года (все даты по старому стилю) было назначено шествие рабочих к Зимнему дворцу. Полиция считала Гапона своим человеком и поэтому ничего не предпринимала, а когда движение приняло массовый характер — она растерялась. Вместо того, чтобы арестовать вождей и ясно объявить всем, что шествие будет разогнано силой, или убедить царя выйти к рабочей депутации для того, чтобы попытаться по-мирному успокоить рабочих, — власти ничего не предпринимали. Государь хотел выйти к рабочим, но его отговорили, и он остался в Царском Селе. Все было передано в руки великого князя

Владимира Александровича, командовавшего тогда войсками Петербургского военного округа. Полиция о плане военных властей не была осведомлена. В ночь под воскресенье войска заняли свои позиции на улицах. Стоял жестокий мороз. С раннего утра рабочие потянулись на сборные пункты. Они вышли из рабочих кварталов, и густыми толпами, с портретами царя, иконами и хоругвями двинулась каждая группа к Зимнему дворцу. Во главе одной группы мужчин, женщин и детей шел священник Гапон с поднятым крестом в руках. Возле него с одной стороны шел священник Василий с деревянным крестом, а с другой — социалист-революционер Петр Рутенберг. Впереди шествия следовали верховые полицейские и наряд пешей полиции. Когда гапоновский отряд вступил на мост речки Таракановки, прозвучал рожок горниста, за которым последовал залп. Полиция пробовала обратиться к военным: "Что вы делаете? Почему стреляете в религиозную процессию?" В ответ новый залп. Все бросились на землю. Рутенберг спас Гапона, увлекши его сразу с собой на землю, а потом им удалось вместе бежать. Сцены, подобные этой, разыгрались и в других районах города. Несмотря ни на что, перед Зимним дворцом, в Александровском парке, собралась значительная толпа. Приказ разойтись не повлиял на толпу, и тогда "шесть залпов рассеяли основную массу собравшихся, а остальных разогнали казаки". Официальное сообщение указывало число жертв в 130 убитых и около 300 раненых. По слухам (?) — убитых около 1000 и раненых несколько тысяч. Полиция запретила отдавать трупы родственникам. Гапон исчез, но затем объявился за границей.

После "кровавого воскресенья" Трепов получил от Государя почти неограниченные полномочия, и Герасимову пришлось руководствоваться его распоряжениями и указаниями, которые "отличались неопределенностью, сбивчивостью и противоречивостью". Между тем за это время отдельные союзы объединились в созданном ими органе — Союзе Союзов, который начал играть большую политическую роль, возглавляя антиправительственное движение интеллигенции. Однажды Герасимов получил сообщение, что на квартире настоятеля Казанского собора состоится собрание для основания союза священников. Он обратился к обер-прокурору Синода К. Победоносцеву, от которого получил короткое указание: "Пошлите полицию и казаков. Пусть от моего имени нагайками разгонят этих попов". В этом ему было отказано. Герасимову еще раз пришлось иметь дело с Победоносцевым, когда он, через Трепова, потребовал закрыть Религиозно-философское общество. Герасимов обратился за разъяснением к митрополиту Антонию и, с его ве-

дома, оставил это дело без последствий.

А союзы росли, как грибы, даже чиновники Сената образовали свой союз. Герасимов настаивал на ликвидации этих союзов, указывая, что Союз Союзов, в лице своего Совета, как бы превратился в своеобразное правительство. Но Трепов колебался, опасаясь возмущения в обществе. Наконец, разрешение было получено и летом 1905 года центральный Совет был арестован в числе 10-12 человек. Все они были лицами с известными именами или крупными чиновниками. В прессе поднялся шум, и их пришлось освободить. Правительство пошло на дальнейшие уступки: в августе объявили университетскую автономию, и "тут началась совершенно невероятная кутерьма". В аудиториях полно народу, одна толпа сменяет другую, устраиваются митинги, раздается революционная литература. (Здесь мы напомним, что это было время, когда на российских просторах происходили аграрные бунты, пылали помещичьи усадьбы, а по великому Сибирскому пути катилась волна бушевавших, анархически настроенных солдатских масс, не желавших признавать никаких властей.) "Власть в этих условиях начала явно расползаться. Из многих участков начали сообщать, что городовые боятся ходить на службу, на них народ нападает". Было ясно, что так продолжаться не может. Герасимов приводит мнение военных, что, продолжая войну с Японией, мы победили бы. Но он полагал, что только ликвидация войны, ввиду грозного внутреннего положения, дала возможность победить анархию.

Наконец, в августе 1905 года был заключен Портсмутский мирный договор, и Витте вернулся из Америки. И тут в октябре вспыхнула октябрьская забастовка, перешедшая во Всероссийскую — остановилась железная дорога, почта, телеграф, газ, электричество — все замерло. При дворе дебатировался вопрос, не переехать ли государю в случае опасности в Германию. Все вместе привело к манифесту 17 октября, после которого на верхах создалось оптимистическое настроение. Однако Герасимов его не разделял. Витте получил графский титул и был назначен председателем правительства. Дурново стал министром внутренних дел, а Трепов — комендантом Двора. Нужно сказать, что Герасимов не считал Дурново реакционером: "он не отрицал необходимости для России больших преобразований". Выпущенные из заточения и приехавшие из-за границы революционеры способствовали раздуванию революционного настроения в стране. А кроме того, с 14 октября появился "Совет рабочих депутатов" для руководства октябрьскими забастовками, который повел себя как второе правительство: во все учреждения он слал запросы, требовал справок и объяснений. Разложение стало про-

никать и в армию. Герасимов настаивал на аресте членов совета, но ни Дурново, ни Витте на этот шаг не соглашались. Дурново: "Мы — конституционное правительство. Манифест о свободах дан и назад отнят не будет". Герасимов указывал на печатные издания: "Искра", "Революционная Россия", всякие листовки с аншлагом — "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и др. Прошло какое-то время, и ему удалось добиться разрешения на арест, но только председателя совета, Хрусталева-Носаря, на что совет, во главе с новым председателем Троцким, ответил резолюцией, которая заканчивалась заявлением: "совет продолжает готовиться к вооруженному восстанию". После этого было устроено совещание при Министерстве юстиции. Как Герасимов ни доказывал, присутствующие на совещании с ним не соглашались. И только министр юстиции, М. А. Акимов, целиком согласился с его доводами, и тут же он, как генерал-прокурор империи, подписал распоряжение о аресте. Того же дня вечером, это было 3 октября, совет рабочих депутатов был арестован. Все обошлось мирно, без сопротивления. Все арестованные были отправлены в тюрьму. От своих агентов Герасимов узнал, что революционные партии решили дать правительству отпор. В Москве состоялся всероссийский железнодорожный съезд, в котором приняли участие и эти партии. Съезд разослал по всем линиям железных дорог телеграмму с предложением объявить всеобщую забастовку с переходом к вооруженному восстанию. 7 декабря Дурново, получив рано утром на аудиенции у царя согласие действовать по своему усмотрению, немедленно приказал разослать телеграммы по всем жандармским управлениям империи с приказом арестовать всех главарей революционных партий и подавлять всеми мерами бунтарские выступления. Герасимову он предоставил полную свободу действий в Петербурге. Еще заранее его агенты выследили квартиры всех активных революционеров, так что у него был полный список лиц, подлежащих аресту. Он пишет: "Всю ночь я оставался в охранном отделении". Всего было произведено 350 обысков и арестов. Взяты 3 динамитных лаборатории, около 500 готовых бомб, много оружия и несколько нелегальных типографий.

На следующий день было произведено еще 400 обысков и арестов. Арестован был также Александр Федорович Керенский, бывший начальником боевой дружины социалистов-революционеров Александрово-Невского района. Эти меры, быстро произведенные, предотвратили восстание в Петербурге. Но в Москве дело было совсем иное. Там восстали рабочие, которые организовали военные дружины, а гарнизон заколебался, став ненадежным. В самой столице чуть ли не единствен-

ным вполне надежным полком был Семёновский со своим командиром полковником Мином, впоследствии убитым революционерами. Вот этот полк, со всеми предосторожностями по пути следования, был послан в Москву на усмирение восстания. Решительными и жестокими мерами, применяя артиллерию, Мин подавил восстание, сокрушив и последний бастион на Красной Пресне, после чего настроение московского гарнизона изменилось в лучшую сторону. Но восстания и бунты еще продолжались то в армии, то в деревне, а в Сибири и в Прибалтийском крае приходилось еще действовать карательными экспедициями, пишет автор; но в целом ситуация была уже полностью в руках правительства.

Герасимов так характеризует этот период: "Оглядываясь назад, я вспоминаю, какое грозное и бурное время переживала Россия в течение 1905—1906 годов. Начиная со злощастного "красного воскресенья", вся страна находилась непрерывно в состоянии революционного волнения. Революционные партии находили поддержку среди всего населения... Тяжело признаться, мне редко приходилось встречать людей, которые были бы готовы из убеждения, а не для извлечения материальных выгод, — таких людей было немало, — оказывать нам активную поддержку в деле борьбы против революции. А революционеры всюду встречали поддержку и сочувствие".

В начале 1906 года надо было сосредоточить все внимание на отдельных террористических организациях. У Герасимова была простая тактика: иметь в их среде своего человека, который информировал бы о планах террористов, но их самих не арестовывать, ибо, по его мнению, в период революционного движения было бы неосуществимой, утопической задачей переловить всех революционеров.

Герасимову было известно о похождениях Гапона за границей, где он объехал всю Европу, посетив везде колонии русских эмигрантов. Жил он на широкую ногу, швыряя деньгами, полученными им за издание его воспоминаний, носивших весьма сенсационный характер. И вдруг, в декабре 1905 года, он появился в Петербурге, но уже в качестве секретного сотрудника департамента полиции, так что Герасимов не имел к нему ни малейшего отношения. Гапон был завербован по указанию самого Витте, лелеявшего надежду с его помощью воссоздать лояльные рабочие союзы. В этой сделке играла роль якобы денежная сторона. Как-то Герасимов был приглашен на одну встречу с Гапоном в присутствии Рачковского, доверенного лица Витте. Гапон его полностью разочаровал: это не был тот Гапон, портрет которого он часто видел — импонирующее красивое лицо, — теперь он был похож на коммивояжера. Гапон получил

тридцать тысяч рублей на организацию рабочего союза, но прежнего успеха добиться не мог. Тогда он решил привлечь к работе с полицией своего друга Петра Рутенберга, стараясь прельстить его материальными выгодами. Тот согласился и для окончательных переговоров пригласил Гапона на пустую дачу в Озерки, недалеко от финской границы. Они поехали туда 10 апреля 1906 года, и между ними завязался откровенный разговор. В соседней комнате сидела засада из рабочих, которые подслушивали разговор. Конец для Гапона был трагический: рабочие его связали и тут же повесили. Он висел целый месяц, прежде чем его труп был разыскан.

Особенно опасной была боевая организация партии социалистов-революционеров во главе с Азефом, где участвовал также Борис Савинков. С Азефом, давно работавшим с полицией, Герасимов связался только в апреле 1906 года, совершенно случайно и при гротескных обстоятельствах. Азеф стал его сотрудником и получал за свои услуги тысячу рублей в месяц. Первая Государственная Дума была открыта 27 апреля 1906 года, а накануне Витте был уволен. Он сделал свое дело, заключил мир с Японией, получил заем у Франции — теперь он стал для Двора слишком левым. Председателем Совета министров был назначен старый сановник Горемыкин, а министром внутренних дел — Столыпин. При нем Герасимову пришлось почти ежедневно, после 12 часов ночи, делать доклад ему лично, минуя департамент полиции. Работать с первой Думой оказалось невозможно, в ней господствовали революционные настроения. Было решено Думу распустить, несмотря на царившую наверху боязнь восстания. Просуществовав менее трех месяцев, Дума была 8 июля 1906 года распущена. Протесты делегатов в Выборге не имели никакого значения. Столыпин царь назначил председателем совета министров. Постоянные попытки покушений со стороны боевой организации партии социалистов-революционеров, благодаря Азефу, не удавались. Создававшаяся обстановка помогла Азефу провести идею пересмотра методов боевой работы и приостановить деятельность боевой организации. "Хотя, — пишет автор, — в тот период кассы партии и специально боевой организации были полны". Доходы исчислялись в сотнях тысяч рублей.

Но тут появились новые террористы — максималисты, отколовшиеся от партии социалистов-революционеров после съезда партии в 1906 году. Им удалось устроить покушение в загородной даче Столыпина на Аптекарском острове. Последовал страшный взрыв, весь фасад здания был разрушен. Автор пишет, что повсюду были клочья человеческого мяса и кровь. Раздавались стоны. Пострадало около 100 человек, из них 27

убитых. Все трое террористов были убиты. Столыпин остался цел, но его дочь была тяжело ранена. Та же группа максималистов устроила удачное нападение 14 октября в Фонарном переулке на транспорт с деньгами: бросались бомбы, шла стрельба из браунингов, в результате чего их касса пополнилась 600 тысячами рублей. По делу в Фонарном переулке 7 человек были приговорены военно-полевым судом к смертной казни. Деятельность этой группы уже не представляла большой опасности, но зато появилась новая группа террористов, начавшая слежку за Столыпиным. Увидев, что полиция начала за ними следить, они скрылись в Финляндии. Кроме этих террористов, при петербургском комитете партии социалистов-революционеров образовалась своя боевая группа. Герасимов не имел возможности парализовать их работу, не имея среди них своих осведомителей. Обе группы устроили свои штаб-квартиры в Финляндии, откуда они наезжали в Петербург.

3-го января 1907 года в Петербурге в торжественной обстановке освещался новый медицинский институт, во главе которого стоял принц Петр Ольденбургский. Было известно, что там будут присутствовать Столыпин и петербургский градоначальник фон-дер-Лауниц. Герасимов предупредил обоих, чтобы они не появлялись на празднестве, и Столыпин, уступив мольбам жены, остался дома. На третьем этаже в институте совершалось торжественное богослужение. Когда все спускались по лестнице вниз, молодой человек во фраке выстрелил сзади из миниатюрного браунинга три раза в затылок фон-дер-Лауница, а четвертый — себе в висок, и оба были мертвы. Другой элегантно одетый молодой человек, не найдя Столыпина, не спеша спустился в вестибюль и укатил в карете. Это убийство взволновало сановников, и Государь вызвал Столыпина для подробного доклада, во время которого не раз упоминалось имя Герасимова, и Государь решил вызвать его к себе в Царское Село. Аудиенция продолжалась полтора часа, во время которых Герасимов подробно осветил царю террористическую деятельность. При этом он пожаловался, что, благодаря предоставленной Финляндии конституции, революционеры чувствуют себя там в безопасности, имея на своей стороне симпатии финской полиции. Царь пообещал исправить это положение. Позднее Столыпин рассказал Герасимову, что царь сказал ему о нем: "Это настоящий человек на настоящем месте".

Герасимов узнал от Азефа, что отель-пансион недалеко от водопада Иматра весь заселен террористами, чужих туда не пускают. Он послал туда "влюбленную пару", студента с девицей, которым хитростью удалось не только попасть в этот отель, но и приобрести

доверие насельников — настолько, что их допускали к упражнениям в стрельбе. Когда они вернулись в Петербург, то им было поручено следить на Финляндском вокзале за приезжающими. В результате главарь террористов и тот элегантный молодой человек на январском торжестве были опознаны и после суда повешены. Однако группа из отеля не только не распалась, но и окрепла, и, по сведениям от Азефа, установила связь с кем-то из личной охраны царя. Оказывается, они завели знакомство с казаком из царского конвоя Ратимовым и, пользуясь полученными от него сведениями, готовили покушение на царя. Слежка за террористами велась двусторонняя: Герасимовым и агентами из личной охраны царя. В определенное время все террористы были арестованы и преданы суду. Для защиты арестованных были мобилизованы лучшие силы либеральной адвокатуры. Автор пишет, что на суд, в качестве свидетеля-эксперта, был вызван известный историк Мякотин, который старался убедить суд, что это был всего лишь кружок молодежи-энтузиастов, за спиной которых действовали провокаторы. Экспертиза Мякотина произвела большое впечатление на членов суда — офицеров, незнакомых с историей революционного движения, как признает автор, и ему пришлось, заgrimировавшись и сидя, выступать на суде для дачи показаний. Из 18 человек трое были повешены, а остальные были приговорены на разные сроки в каторгу и ссылку.

Агенты Герасимова в своей слежке за членами социал-демократической фракции второй Государственной Думы установили связь революционного характера с воинскими организациями петербургского гарнизона. Думе было предложено выдать членов фракции для произведения их ареста. Но Дума отказалась, и правительство 3 июня 1907 года ее распустило. Вторая Дума просуществовала менее пяти месяцев. Для Герасимова это было незначительное дело. Надвигалась новая опасность. Ему стало известно, что центральный комитет партии социалистов-революционеров поставил своей официальной боевой задачей убийство царя. Набрали кадры особенно надежных террористов и поручили Азефу верховное руководство этой боевой организацией. Благодаря тому, что Азеф непрерывно сообщал Герасимову о каждом намеченном акте террора, он мог вовремя предпринимать контрмеры. Но снова появились группы, действующие самостоятельно. Самой опасной была группа северного летучего боевого отряда под руководством некоего "Карла", которая подготавливала взрыв Государственного Совета. Были приняты меры для охраны помещения, а самого "Карла" проследили и арестовали в Финляндии.

(Окончание следует)

ПАМЯТИ АЛЬБЕРТА ИГНАТЬЕВИЧА ОПУЛЬСКОГО

Ниже мы печатаем некролог, присланный нам дочерью покойного. От себя мы можем только сказать, что неожиданная кончина Альберта Игнатьевича нас очень горестно поразила. А. И. был чрезвычайно ценным сотрудником "Голоса Зарубежья". Хотя он начал сильно болеть и, что для него было хуже всего, почти ослеп, он с помощью своей супруги продолжал неутомимо работать. Больно, что его ценный труд так рано оборвался.

Альберт Игнатьевич был убежденным антикоммунистом и предпринял невероятные усилия, чтобы попасть на свободу. Вот что он писал мне: "Отчаявшись бежать "нормально", я пошел на медленную процедуру: изучил болгарский язык и болгарскую поэзию, издал в Москве и Софии книги о болгарских поэтах, нескольких поэтов перевел на русский почти полностью, стал крупнейшим болгаристом, был представлен к болгарскому ордену, дочь вышла замуж за болгарина, мы переехали в Пловдив, откуда с туристской группой выехали в Вену. Здесь мы попросили убежище и прожили больше года, хотя документы получили довольно скоро: пытались выцарапать

ребенка, внучку, которую болгары в последний момент оставили в залог. И — благодаря личному вмешательству г. Кириллегера — получили".

Кириллегер — президент Австрии.

Мы считаем, что это героический путь, и он еще раз указывает, как люди и под коммунистическим игом тоскуют по свободе и на что только не пускаются, чтобы ее достигнуть. Господь не судил А. И. долго пользоваться ею, но все же А. И. удалось без гнета написать на Западе две книги.

А. И. был глубоко верующим христианином католического вероисповедания, и как раз последнее время между нами завязалась обширная переписка по глубоким религиозным вопросам. Как грустно было держать в руках неоконченное письмо, любезно пересланное мне Тамарой Ильиничной Опульской, вдовой покойного. Смерть прервала его ответное письмо буквально на середине строчки...

Мы выражаем глубокое сочувствие в тяжелой утрате вдове и дочери покойного.

В. Пирожкова

25 февраля 1986 года в г. Ванкувере, Канада, скоропостижно скончался известный ученый, профессор русской литературы Альберт Игнатьевич Опульский.

А. И. Опульский родился 9 мая 1921 года в г. Екатеринбурге в семье инженера по строительству железных дорог. Профессия отца предполагала частые переезды, и свое детство Алик провел в самых разных местах: в Сибири, Ташкенте, Бухаре, на Украине. Наконец, семья обосновалась в Москве. С ранних лет Алик проявлял литературные интересы: читал за poem, пробовал свои силы в сочинении стихов и прозы.

По окончании школы он поступил в ИФЛИ (Институт философии и литературы), одно из лучших московских высших учебных заведений, куда принимали только исключительно одаренных юношей и девушек с ярко выраженной склонностью к гуманитарным наукам. В ИФЛИ преподавали лучшие профессора литературы, среди них знаменитый стиховед-формалист Борис Викторович Томашевский. Одна из курсовых работ Алика — о поэтическом мастерстве Некрасова — так восхитила маститого ученого, что он захотел поближе познакомиться с талантливым студентом. В результате, несмотря на разницу лет, между ними завязалась тесная дружба. Через Б. В. Томашевского А. Опульский, еще в свою бытность студентом, сблизился со многими выдающимися людьми тех лет — учеными (Д. Н. Ушаковым, В. В. Виноградовым,

Н. К. Гудзием, И. Н. Розановым, В. Б. Шкловским, С. М. Бонди, Б. М. Эйхенбаумом, Г. А. Шенгели, Л. И. Тимофеевым), поэтами (А. Е. Крученых, С. П. Бобровым, Б. Л. Пастернаком, А. А. Ахматовой), прозаиками и драматургами (М. А. Казаковым, М. М. Зощенко, Е. П. Шварцем).

В 1946 году, по окончании ИФЛИ, А. И. Опульский стал научным сотрудником, а впоследствии и научным секретарем Музея Л. Н. Толстого Академии Наук СССР. Работая в музее, А. И. Опульский выпустил несколько книг, посвященных жизни и творчеству великого писателя: "Л. Н. Толстой в Крыму", "Л. Н. Толстой на Кавказе", "Л. Н. Толстой в Москве". Эти книги были настолько глубокими, автор их настолько досконально изучил материал, что после их выхода ни один из многочисленных толстоведов не решился писать на ту же тему, справедливо считая ее полностью исчерпанной.

Впоследствии проф. Опульский издал еще несколько книг и множество статей (в общей сложности более десятка книг и около двухсот статей) о классической русской литературе, активно участвовал в подготовке и редактировании юбилейного 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого и собрания сочинений Достоевского.

В 60-х годах он заинтересовался болгарской поэзией, выучил болгарский язык, выпустил много статей о поэтическом мас-

терстве лучших болгарских поэтов и две книги — "Современные поэты Болгарии" и "Поэзия Веселина Ханчева". Как и работа над русской литературой, работа в области болгаристики была очень успешной — вскоре проф. Опульский стал считаться крупнейшим знатоком болгарской поэзии в СССР, без него не проходил ни один симпозиум болгарской поэзии. Он часто бывал в Болгарии, а в начале 70-х годов, после того, как дочь вышла замуж за болгарина, переехал туда на постоянное жительство.

Всю свою жизнь А. И. Опульский был непримиримым антикоммунистом и мечтал вырваться из коммунистического застенка на свободу. Наконец, в 1976 году ему удалось получить разрешение на туристическую поездку из Болгарии в Австрию, где он попросил политическое убежище. Живя в течение нескольких месяцев в Вене, проф. Опульский читал лекции в знаменитом Венском университете.

В 1977 году А. И. Опульский эмигрировал в Канаду. Вначале он обосновался в Монреале, где его репутация как одного из крупнейших специалистов по классической русской литературе открыла ему профессорские кафедры в двух главных университетах: Мак-Гилле и Монреальском университете. А. И. Опульский был не только широко образованным ученым с неисчерпаемым запасом знаний в самых разных областях культуры, он был исключительно милым, добрым и обаятельным человеком. Он был не только кумиром студентов, на его увлекательные и глубокие лекции приходили и посторонние люди: другие профессора, служащие с радио и телевидения, просто русофилы, желающие послушать интеллигентный и чистый русский язык.

К сожалению, спустя несколько лет пре-

подавательскую работу пришлось оставить: ухудшение зрения лишило возможности читать и писать самостоятельно. Проф. Опульский с женой переехали в Ванкувер, где жила дочь с семьей. Но даже плохое зрение не изолировало его от литературной жизни. С помощью жены он регулярно читал газеты и журналы, вел громадную переписку, часто писал статьи в русские периодические издания, работал над новыми книгами. Одну из них — "Вокруг имени Льва Толстого" — удалось издать. В ней он очень живо и увлекательно рассказывает о своих встречах с интереснейшими людьми — старшим сыном Толстого Сергеем Львовичем, дочерью Александрой Львовной, внуками и внучками писателя Сергеем Сергеевичем, Софией Андреевной, Анной Ильичиной, с секретарями Толстого — Н. Н. Гусевым и В. Ф. Булгаковым и со многими другими связанными с писателем людьми.

Последняя книга проф. Опульского "Жития святых в произведениях русских писателей" была самой дорогой его сердцу. Он обдумывал ее долгие годы, начал собирать к ней материал еще живя в СССР, но выпустить там книгу на такую тему было немыслимо. Поэтому он с такой радостью предвкушал ее выход в свет. Последние гранки уже были вычитаны, книга должна была вот-вот появиться в печати, но дожить до этой долгожданной минуты не пришлось. Последние месяцы его начало беспокоить сердце, и врачи настояли на необходимости теста, который стал причиной его скорострительной смерти. Альберт Игнатьевич Опульский скончался в ванкуверском госпитале святого Поля. Его смерть повергла в неутешное горе жену и дочь с семьей.

Вечная ему память!

А. О.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А. И. ОПУЛЬСКОГО

Только что пришло ужасное известие из Канады, от супруги профессора Опульского: "Альберт Игнатьевич скончался 25 февраля от неудачного теста ангиографии... Он был еще полон жизненной энергии и планов на будущее и с таким нетерпением ждал выхода в свет своей последней книги..."

...В России имя проф. Опульского знал каждый, изучавший творчество Льва Толстого. Но только в эмиграции раскрылась вся правда: Альберт Игнатьевич абсолютно отвергал марксистско-ленинскую ложь. "Побег" его из СССР напоминает путь Аркадия Белинкова, но сопряжен с большими трудностями. Советские власти до конца не могли простить Опульскому, самому крупному, академическому толстоведу, — его разоблачений в книге "Вокруг имени Льва Толстого" (США, 1981). Но чекисты радовались, что эту книгу Опуль-

скому пришлось издавать на собственные гроши, и профессор почти потерял зрение, не работал в университете...

Марксистствующие западные структуралисты относились к Опульскому с такой же ненавистью, как и к Аркадию Белинкову, Анатолию Якобсону, "выдворенным" из университетов... Тем болезненнее воспринимал Опульский резкие выпады против его книги эмигрантов, недавних советских коллег (Г. А. и другие), обвинявших профессора в "реакционной" приверженности идеям русского христианского возрождения. Но к счастью, труды Опульского публиковались на страницах "Нового Журнала", "Граней", "Голоса Зарубежья". Будем надеяться, что его новые труды будут опубликованы в России, которая освободится от партийной лжи.

Д-р Д. А. Антонов

А. ФЕДОСЕЕВ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Смена смене рознь

Нынешняя смена "Великого вождя" имеет два знаменательных отличия от предыдущих. Прежде всего, борьба за власть, за место "Великого вождя", чрезвычайно ослабла. Смена Ленина Сталиным была необыкновенно жестокой и кровопролитной. Если даже не говорить о всех многомиллионных жертвах воцарения Сталина (и социализма), а только об уничтоженных Сталиным якобы соперниках, то и в этом случае речь пойдет о сотнях, если не тысячах высших сановников революции.

Смена Сталина Хрущевым была значительно менее кровопролитной, но все же очень жестокой. Были уничтожены, по-видимому, десятки, если не сотни новых высших сановников социализма.

Смена Хрущева Брежневым произошла мгновенно. Если не учитывать появления танков в Кремле и около, то в Москве (я тогда жил в Москве) все было тихо. Все перемещения и расправы произошли позднее. Смена Брежнева Андроповым сопровождалась борьбой за власть только на страницах западной печати. В действительности было лишь некоторое ограниченное соперничество, но не борьба за власть. Конечно, придя к власти, Андропов, как и все властители, подбирает себе команду и разными средствами убирал неподходящих для него людей.

Смена Андропова и Черненко на Горбачева произошла совсем тихо. Можете ли вы представить себе, чтобы на место "Великого вождя" во времена Ленина, Сталина, Хрущева и даже Брежнева мог бы прийти к власти такой "зеленый" деятель, как Горбачев? Конечно, нет. Ему бы свернули голову при первой же попытке пробраться к власти.

Спрашивается, чем такое мирное восшествие на престол можно было бы объяснить? Прежде всего отметим, что Хрущев был последним "Великим вождем", искренне верившим в социализм. Брежнев и его команда, если хоть чуть-чуть и верили в социализм сначала, то эта вера в прекрасное будущее социализма очень скоро полностью испарилась. Брежнев в частных разговорах жаловался, что его приказы не выполняются, а он помнит, что Сталину было достаточно лишь глазом моргнуть, как все было сделано. (Суть-то социализма и состоит в полном послушании воле вождя. Какой же это социализм, если даже "Великого вождя" не слушают?) Так или иначе, какой бы то ни было прогресс социализма при Брежневе не только затормозился, но и появилась тенденция, а затем и просто регресс: направление развития социализма сменилось с положи-

тельного на отрицательное. В 1976 г. СССР стоял по национальному доходу на душу населения на 56 месте среди стран мира. В 1982 году он оказался на 70 месте — позади Ирландии, Венесуэлы, Испании, Греции и даже Пуэрто-Рико ("The Economist"). Брежневу оставалось только пытаться затормозить этот процесс. Главной заботой "Великого вождя" стало сохранить власть, обеспеченную ему социализмом.

Ситуация для "Великого вождя" явно нерадостная.

Старая гвардия Политбюро и верхушки ЦК давали себе отчет в ситуации и в том, что и у них самих больше нет прежних энергии и задора, да и веры в социализм тоже уже нет. Однако что-то предпринимать было явно необходимо. Пришлось приглашать энергичных и толковых новичков ("варягов"), имеющих достаточно сильное (может быть, по недостатку опыта) желание попробовать свои силы в качестве "Великого вождя" и исправить положение. Можно предположить, что дряхлеющая гвардия решила, что у нее и без того превосходные привилегии и власть и стремиться в "Великие вожди" нет смысла: привилегий и власти ничуть не больше, а неприятностей, конечно, много больше. Положение "Великого вождя" потеряло прежнюю неотразимую привлекательность.

Второе отличие. Смена Ленина Сталиным шла под лозунгом: вперед, к сияющим вершинам социализма. Смена Сталина Хрущевым шла под лозунгом: тиран и террорист Сталин применял неправильные методы для строительства социализма. Мы должны исправить ошибки Сталина и на всех парах устремиться вперед — к завершающей социализм стадии — к коммунизму. Смена Хрущева Брежневым шла под вариантом того же лозунга: Хрущев тоже применял неправильный метод — волюнтаризм. Мы это исправим. Насчет коммунизма уже ни слова. Удовлетворились только зрелым социализмом. Уже смена Брежнева Андроповым шла под лозунгом весьма срочного ремонта зрелого социализма.

Конечно, официально это называлось и называется сейчас не ремонтом, а дальнейшим прогрессом.

Смена Андропова и Черненко на Горбачева оказалась под лозунгом не только срочного, но уже капитального ремонта социализма. За это время и программа КПСС уже перестала обещать что-либо хорошее в обозримом будущем и, по существу, стала такой же бесперспективной, как и социалистическая жизнь в стране.

Чтобы такая "зелень", как Горбачев, мог прийти к власти, должно было многое измениться в стране социализма.

Критика критике рознь

Смена каждого "Великого вождя" при социализме вызывает волну критики социалистической жизни. В ней участвуют и сам новый "Великий вождь", и весь аппарат управления страной, и несчастное население. Конечно, население никогда не прекращает слать жалобы и вопли страдающих души и тела, но при смене эта критика и вопли в какой-то степени прорываются в открытую печать.

Отличие нынешнего периода в жизни социализма от предыдущих проявляется и в содержании критики. В нынешней волне критики, как можно будет убедиться ниже, речь идет не только о том, что кто-то портит социализм, как это было всегда раньше. Речь идет теперь и о том, что то социалистическое "изделие", которое получилось в результате 68 лет крошечного ужаса и невероятных страданий миллионов, не годится для употребления. Это "изделие" — зрелый (и единственно возможный) социализм — либо требует капитального ремонта, либо замены. (Когда вожди справляются со своими делами и дела эти обстоят терпимо, вожди всегда держат свои мотивы и действия в секрете: чем меньше знают управляемые, тем легче управлять. Сейчас дела идут из рук вон плохо. Без участия населения в исправлении ситуации не обойтись. Приходится обнажать язвы и болячки и звать к населению о ликвидации их.)

Следует отметить, что сам по себе социализм, его идея или система управления в целом в критике, конечно, не фигурируют. Критика еще не получила правильного адреса. Однако, читая нынешнюю советскую прессу, можно прийти к выводу, что ни в одной стране мира не обсуждаются так глубоко, так всеобщее, так откровенно и так конкретно античеловечность и дефекты именно социализма и социалистической идеи ("не указывая пальцем", "без адреса"), как это сейчас делается в советской прессе. Любопытно, что поведение населения в конкретной жизни никак внешне не изменилось. Люди, конечно, как-то интересуются происходящим в верхах, но уже давно извелились и не ждут от нового "Верховного вождя" ничего хорошего. Тем не менее, в другом отношении поведение населения изменилось резко, если сравнивать нынешние времена со сталинскими и хрущевскими: массовое социалистическое послушание населения, которое с такой жестокостью, истребив 67 миллионов самых лучших людей, создал Сталин, практически исчезло. Я не хочу сказать, что оно заменилось на открытое массовое не-

подчинение. Нет. Но сила власти "поднять массы" на что-либо во имя "прекрасного будущего" явно исчезла. Осталась еще очень сильная власть наказать, уничтожить, но и ее даже сравнивать со сталинской невозможно. Существенно, что процесс освобождения населения от сталинского послушания сильно затронул, в особенности, нижние эшелоны аппарата власти, которые, несомненно, тоже оказались вовлеченными во всеобщую потерю социалистической дисциплины. За последние годы ни одно постановление "партии и правительства" не выполнено, а виновных не найти: есть только козлы отпущения. Население сильно распустилось, потеряло "страх Божий" и дает слишком много воли языку. Вот примеры крайне необычных высказываний, прорвавшихся в советскую прессу.

"Частный бизнес возник в недрах социалистической системы хозяйствования и только за ее счет может существовать (не наоборот ли: социалистическая система кормится этим частным бизнесом? — А. Ф.) ... Про такой бизнес уже не скажешь: пережитки капитализма в сознании. Это наши собственные нажитки, сами их нажили, сами и возимся". Анатолий Злобин. Литературная Газета от 31. 7. 85. (Подчеркивания здесь и далее мои).

"Признаюсь честно, я пользуюсь услугами левых бизнесменов. И, между прочим, делаю это охотно. Леваки, как правило, отменные мастера. Они не халтурят. У них в работе брака не бывает. Они работают с душой (!! — А. Ф.) И цены у них вполне божеские, по сравнению. Разумеется, я понимаю, с левым бизнесом надо бороться — ради того и заметки свои сел писать." Там же.

"Сидит журналист и беседует с шабашником. Современный шабашник из студентов. Интонация беседы какая-то смутная. Шабашник спокоен, а вот журналистом владеет странная смесь восхищения (!! — А. Ф.), недоумения и желания прочесть нотацию. У шабашника все открыто и ясно, как дважды два: некий сельстрой и межколхозное объединение, вместе взятые, делают сравнительно с шабашником в полтора раза меньше. И хуже. Шабашник работает быстрее, лучше и надежнее" Л. Аннинский, Л. Г. 17. 7. 85. А вот как работают на государство. Пишет Марк Захаров, главный режиссер театра имени Ленинского комсомола (Л. Г. 31. 7. 85).

"Я однажды наблюдал, как во дворе одной московской парикмахерской новенькая маникюрша получила несколько дружных зуботычин от своих старших коллег. Она обслужила сгруппа 17 клиенток за смену вместо 12 по плану. Поначалу я очень сочувствовал плачущей маникюрше, но потом, после длительного размышления и углубленного анализа оценил всю несомненную правоту ее старших товарищей". Нетрудно установить по советской прес-

се, что то же самое происходит везде по всей стране.

Тот же Марк Захаров:

"Мы можем заработать в силу ряда причин много денег, другие наши коллеги в настоящий момент этого не могут, а те люди, что занимаются верховным творческим планированием, в такие нюансы не вникают (не в силах — А. Ф.). Они просто подтягивают и выравнивают все общие нормативы и требования. И возникает временами (временами ли? — А. Ф.) странный (странный ли? — А. Ф.) до абсурда вывод: хорошо работать невыгодно".

Он же о государственном планировании, удушающем творческую деятельность людей:

"Неправдоподобно большое число руководящих нами лиц, создавая все возрастающее количество внутритеатральных правил, ограничений, разъяснений и установок, почти напрочь лишает театры своего экономического и творческого самосознания, чувства ответственности, свободы маневра, гибкой тактики и стратегии — т. е. качеств, необходимых любому творческому (любому вообще — А. Ф.) организму в решении выдвинутых партией идеологических и экономических задач".

Учтите, в планирующих организациях, как я сам лично и неоднократно убеждался, сидят нормальные и совершенно не злонамеренные люди, но они такие же рабы социалистической системы, как и все остальные, лишь, может быть, более привилегированные. И они не могут поступать иначе. Они выполняют свои обязанности, вероятно, так же плохо, как и все население, когда работает на государство.

Вот высказывание некоей Черкасовой в Л. Г. 27. 11. 85.:

"Расскажу немного о себе. Окончила строительный институт, работаю в управлении стройтреста, оклад небольшой, семья. Что делать? Пошла на курсы машинной вышивки. Вместе с подружкой после основной (!? — А. Ф.) работы шьем современные вещи на высоком уровне. Иногда, если заказ срочный, шьем до шести утра, потом допинг — крепчайший кофе, и на работу. Это дает мне примерно 100 рублей в неделю (почти месячный заработок на основной работе). Так ведь в каждую вещь я вкладываю душу, делаю, как для себя. Кроме благодарности, ничего слышать не приходилось. Клиенткам радость, нам средства к существованию. Что же в этом постыдного?"

С удовольствием занималась бы вышивкой в какой-нибудь государственной фирме. Но что-то не зовут пока. (Едва ли она этого хочет: работать за гроши. Она лишь хочет показать, что она якобы не враг социализма. — А. Ф.) А у нас уже организован спаянный коллектив (имею в виду еще несколько подруг). Клиента и со вкусом оденут, и модно

подстригут, примут в ремонт обувь, сделают лечебный массаж, примут заказ достать билет на любой вид транспорта (законным путем, предварительно, без всякого блата). И не нужно ходить по изнуряющим человека (государственным. — А. Ф.) службам сферы услуг. Все достается без испорченного настроения и испорченной вещи.

Кому от этого хорошо, я думаю, ясно. А кому плохо? Людям? Но ведь благо отдельных членов общества является в сумме общественным благом. Государству? Но разве оно не заинтересовано в том, чтобы его граждане могли с меньшей затратой сил удовлетворить свои законные потребности? Да и много ли это — 400 рублей заработка за такой напряженный, добросовестный, честный труд...

И последнее — чтобы не было недомолвок: все мы на своей основной работе среди самых передовых работников. Жалоб нет..."

Вы чувствуете? Эта Черкасова имеет ум под стать зрелому государственному деятелю. Конечно, она не сказала, и даже не думала сказать этих слов: долой социализм. Но они в этой речи незримо присутствуют. 15 — 20 лет тому назад такая ясность ума в вопросах социализма у Черкасовых и вообще у рядовых людей еще не существовала. Сейчас Черкасовых стало много. (А много ли людей на Западе понимают то, что поняла Черкасова: но ведь благо отдельных членов общества и является в сумме общественным благом? Для миллионов социалистов на Западе это ересь. Они считают, что существует что-то, что называется общественным благом, и что существует независимо, отдельно, и очень часто, и даже, как правило, вопреки благу самих членов общества. Черкасова эта — просто гигант мысли по сравнению с десятками профессоров-марксистов на Западе, с сотнями его парламентариев и политических деятелей-социалистов, жующих всю ту же марксистскую, социалистическую жвачку.) Нетрудно видеть на примере Черкасовой, каким колоссальным и неиспользуемым творческим, созидательным потенциалом обладает население в стране. Потенциалом, который социализм принципиально не может использовать. В то же время его сила прорывает социалистическое окостенение и разрушает социалистические правила и преграды. Вы заметили, что Черкасова действует не как одиночка? Она сумела организовать большой и чрезвычайно эффективный в своей работе коллектив. Для социализма это должно быть страшнее любого диссидентства. Это активная перестройка дряхлеющей системы социализма в нечто совсем другое явочным порядком.

Черкасова уже частично освободилась от социалистического рабства: средства ее существования в значительной части уже не зависят от государства. Она захватила себе не только кусок экономической свободы, но и

свободу мысли и духа, и это, пожалуй, еще важнее.

Нетрудно видеть на примере той же Черкасовой, что колоссальная разница в трудовой отдаче при работе на себя и на государство происходит не из каких-то злых и эгоистических интересов человека. Это есть следствие полного несоответствия социализма нормальной человеческой сущности.

Когда трудящийся заявляет: "Ты здесь хозяин, а не гость. Тащи отсюда каждый гвоздь" (Анатолий Злобин, Л. Г. 31. 7. 85), имеется в виду не пропаганда воровства государственного имущества. Это есть в большой степени протест против неэффективности использования этого самого гвоздя в социалистическом хозяйстве. "Гвоздь" у государства не приносит пользы никому. Тот же "гвоздь" в руках самого трудящегося приносит 100% пользы обществу в лице этого частника трудящегося.

Вот высказывание некоей Ирины Снеговской из Ростова-на-Дону ("Неделя" от 18—24 ноября 1985 г.).

"Вы поверите, я готова идти в кафе мыть посуду — я думаю, что со временем смогу там продвинуться и сделать из кафе то, о чем мечтаю. Но неужели всем на все наплевать? Каждый хочет получать зарплату, не задумываясь, а соответствует ли ей мера затрачиваемого труда? (Если бы эта мера могла быть найдена, что возможно только для самых примитивных физических работ, все в мире резко бы изменилось. Исчезли бы и "классовая" борьба, и несправедливость, и так называемая эксплуатация, и многие другие беды человечества. — А. Ф.)

У нас неважно с общепитом. Но тот же плохой повар полчаса стоит на остановке, ждет автобус, которого все нет и нет. Потому что этот автобус водит плохой шофер, который простаивает часами или лихо проезжает мимо остановок в пустой машине. А плохой шофер идет в магазин, где висит никому не нужная одежда, сшитая горе-швейником, и не может купить самого необходимого. А горе-швейник никак не решит проблему, где же ему поесть в обеденный перерыв, потому что плохой повар готовит несъедобные блюда. И круг замкнулся. Ну как же мы не поймем, что от того, как мы работаем, зависит и то, как мы живем! (Она еще не совсем поняла, что в данном случае дело не в людях, а в полном отсутствии социального баланса при социализме. — А. Ф.)

Я очень хочу сломать плохую традицию (Не удастся: это есть свойство социализма, а не традиция. — А. Ф.). Я очень хочу найти применение своей фантазии, своему умению. Но пытаюсь на глухую стену равнодушия. И как пробить ее — не знаю.

Мне 29 лет, муж монтажник, есть дочка.

Эти сведения сообщают, чтобы письмо не получилось безликим". Как видите, социализм даже самопожертвования не в силах принять и использовать. Думаю, что Снеговская понимает, или, по крайней мере, чувствует, что эта "глухая стена" есть социализм, система государственной собственности. Как частник-предприниматель, она, безусловно, давно бы создала свое чудесное кафе и служила бы обществу наилучшим образом. Как превосходна ее формулировка: плохо работая, люди сами себе коллективно портят жизнь. Повар — шоферу, шофер — повару, швейник — шоферу, шофер — швейнику и т. д. (Легко убедиться, что и трудящиеся Запада, скажем, в Англии, в результате не отсутствия, как в СССР, а значительной потери социального баланса (смотрите далее) раздувают "классовую" борьбу до небес и просто совсем не понимают ситуации. По сравнению со Снеговской они еще дети-немышленишки.)

Благородная программа

Спрашивается теперь, что хочет сделать Горбачев с такой колоссальной властью в его руках?

1. Ликвидировать коррупцию и бюрократизм.

2. Наладить трудовую дисциплину снизу доверху.

3. Омолодить и активизировать аппарат управления страной снизу доверху.

4. Усовершенствовать систему государственного планирования, чтобы вкладываемые средства приносили бы результат, а не рассеивались бы по ветру. Считать каждую копейку.

5. Осуществить строгий режим экономии во всем. Ремонтировать и сапоги, и предприятия вместо того, чтобы строить новые.

6. Резко и повсеместно улучшить качество и услуг, и продукции, а также улучшить жизнь.

7. Использовать для подъема хозяйства мировые достижения науки и техники.

8. Так усовершенствовать социалистическую систему управления, чтобы вся страна жила и работала, как гигантский превосходно организованный организм, как прекрасное, коллективное целое.

9. Для этого усилить и развить идеологическую работу по превращению эгоистического человека в совершенное социалистическое существо. Заменить эгоизм разумным пониманием общности людей в их коллективе.

Нет никакого сомнения, что такая программа удовлетворила бы самого придирчивого критика. Какая благородная и правильная программа у Горбачева, не правда ли!? Однако мы же это все уже знаем и слышали с детских лет от Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и Андропова. Это же и есть суть идеи социализ-

ма, которая теперь насчитывает несколько столетий и имеет уже очень длинную "бороду". Горбачев не сказал ничего нового. Конечно, он молод, энергичен, умен, но что из того? Он не один этим отличается. Вождь, конечно, очень важен, но дело-то в данном случае не в вожде, а в системе социализма. На безличное, неумелое государство люди работают плохо везде, по всему миру. Та же изумительная Черкасова на своей основной работе никаких подвигов не совершает и не может совершить, как бы она этого и ни хотела. Будучи предоставлена самой себе, она совершает просто чудеса. Именно в свое свободное время, работая "налево", она служит обществу наиболее эффективным образом, создавая для него материальные и, я не боюсь сказать, духовные ценности тоже.

Вот что пишет о воздействии ручного труда на людей Георгий Кулагин (Литературная Газета, 27. 11. 85):

"Исходя из собственного жизненного опыта, осмелюсь утверждать: ничто так не способствует выработке точности и дисциплине мышления, как ручной труд. В нем истинность мысли, управляющей действиями руки, немедленно подтверждается или опровергается самым очевидным и наглядным образом. Здесь нет места для приблизительности, блужданий ума, спекуляций. Критерии просты: вышло — не вышло, хорошо — плохо, красиво — некрасиво".

Лично я полагаю, что такими свойствами обладает любой творческий, созидательный труд, т. е. труд, приводящий к появлению на свет добротного стула, вкусного хлеба, красивого и удобного дома, толковой статьи, научной гипотезы или теории, наконец, просто полезного совета, правильно прописанного лекарства и выздоровевшего пациента. Люди такого труда, как правило, уважают и ценят и свой, и труд других людей. Они не будут вандалами или снобами. Они познают, что законы природы нельзя обмануть. Таким образом они учатся правде. Они, как правило, становятся порядочными людьми, ответственными за свои поступки. Отсюда недалеко, что они начинают трезво оценивать свой труд и свой разум в сравнении со всей бесконечной грандиозностью Вселенной (Бога) и ее бесконечной сложностью. Существование таких людей приобретает смысл и становится одухотворенным.

Черкасовы именно в их внеурочной ("левой") деятельности больше всего имеют возможность почувствовать эти высокие духовные ценности, без которых ни коллектив Черкасовой, ни его слаженный эффективный труд были бы невозможны. Для социализма все это — ересь. Не Бог, а человек есть наивысшее начало. Природа и вселенная только ждут их полного подчинения человеку. Однако не про-

сто человеку, а человечеству в целом. Поэтому личная, независимая творческая деятельность отдельного человека, если она не вписывается во всеобщую систему коллективной, государственно целесообразной, планируемой деятельности, является, безусловно, вредной. Она разрушает эту систему.

"Благородная" программа Горбачева требует от него способности направить труд 270-миллионного населения не на собственное выживание, а на выполнение задач социалистического общества в целом. Хотя и для своей же пользы (сформулированной Горбачевым), 270 миллионов должны превратиться в винтики огромной социалистической машины. Люди, все разные, все непредсказуемые, все со своими уникальными обстоятельствами жизни, этой горбачевской задаче совершенно не соответствуют. Задача эта невыполнима, как бы это ни было теоретически полезно.

Фундаментальные несоответствия социализма человеческой природе

В чем главные причины невозможности выполнения задачи социализма?

1. Все в любой стране создается и производится трудящимися, т. е. инженерами, учеными, рабочими, артистами и т. п. Вся ее духовная и материальная культура создается ими. Вожди, номенклатуры, правительства, партии, профсоюзы сами по себе ничего не производят. С неба тоже ничто не валится. Однако ни один трудящийся не будет просить себе меньше зарплаты и побольше работы и оставлять без внимания плохие условия труда. Если он не святой (как мать Тереза в Калькутте), он будет действовать в точности наоборот. Если его требования не сопровождаются повышением производительности труда и не встречают оппозиции, это ведет к росту цен — инфляции, к росту безработицы из-за разорений предпринимателей при капитализме и к дефициту и низкому качеству товаров и услуг при социализме. Снеговская сказала совершенно правильно: чем хуже трудящиеся работают, тем хуже они сами и живут.

В частнособственническом обществе, в условиях свободного и конкурентного рынка, действуют многие миллионы предпринимателей-собственников с личным, эгоистическим интересом выжать из трудящихся побольше и получить труда за меньшую зарплату в не очень шикарных условиях. В противоположность менеджерам, управляющим государственными предприятиями или западными корпорациями, которые управляют не своим собственным имуществом и тратят не свои собственные деньги, они управляют своим собственным имуществом и тратят свои собственные деньги. У

них только два выбора (если они не монополисты): или банкротство, или достаточное сопротивление разрушительным желаниям трудящихся. Поскольку их, как и трудящихся, миллионы, то они и могут уравновесить силу трудящихся, создав требуемое для общества производительное равновесие.

Существование этих двух мощнейших сил в человеческом обществе и их производительное социальное равновесие являются необходимыми условиями создания общего и материального и духовного процветания любой страны. При социализме одна из этих мощных сил полностью отсутствует: нет этих миллионов собственников-предпринимателей. Все, сверху донизу, наемные трудящиеся и имеют один общий интерес: тащи все, что можно, в свою пользу. Советские начальники тоже управляют не своим имуществом, и тратят не свои деньги на это. Поэтому все, совсем без злого умысла, совместно грабят страну и самих себя, так как официальное равновесие полностью отсутствует и при социализме невозможно.

(Конечно, поведение и свойства трудящихся (и собственников-предпринимателей), как любых людей вообще являются чрезвычайно сложными и многогранными. Эгоизм совершенно не исчерпывает свойств человека, среди которых есть и самоотверженность, и честность, и милосердие, и героизм и т. п. Однако в тех сторонах жизни, которые я обсуждаю, главным является больший или меньший, явный или малозаметный личный, эгоистический интерес.)

Если учесть облагораживающее влияние целесообразного труда, взаимодействие собственников-предпринимателей и трудящихся умеряет взаимно их эгоизм, резко уменьшая общее количество эгоизма в стране. (Стихийные социалисты, конечно, завопят, это неправда: все наоборот. Однако реальный опыт социализма показывает, что это правда: социализм резко выпячивает и развивает именно эту сторону человеческой натуры.)

2. Все в социалистической стране является собственностью государства и поэтому управляется единой волей, единым руководством по единому государственному плану в соответствии с задачами социалистического общества. Однако оказалось, что правильно определить эти задачи, правильно учесть и распределить ресурсы, правильно назначить каждому участнику его вклад в общее дело, т. е. составить правильный государственный план, невозможно. Недавно группа киевских математиков подсчитала, что составление настоящего плана для одной лишь Украины потребует труда всего населения земного шара в течение 10 миллионов лет. Нет таких компьютеров сейчас или в обозримом будущем, которые могли бы решить эту задачу достаточно быстро, чтобы дать план на будущее. До киевских математиков

это обнаружили и другие советские ученые. Об этом много писала Дора Штурман. Таким образом, государственное планирование (в том числе, по-горбачевски) может быть только произвольным (волюнтаристским, хрущевским), необоснованным, без соответствия средств задачам. Получается мнимый парадокс: государственное планирование гораздо хуже "хаоса" (мнимого) миллионов индивидуальных решений и действий миллионов отдельных граждан. Почему? Во-первых, потому что решения граждан в их индивидуальных обстоятельствах жизни гораздо больше обоснованы и правильны, чем если они продиктованы сверху, из одного центра.

Во-вторых, в масштабе всей страны действуют таким образом одновременно многие миллионы мозгов и каждый на свою полную мощность. А у всего аппарата управления страной действует, по крайней мере, в сотни раз меньше, да еще и ленивых. Совокупно население действует, как невиданный, колоссальной мощности самопрограммируемый компьютер со многими миллионами одновременно действующих процессоров. Социалистическая же система оказывается слепой и глухой, блуждающей в политических и экономических потемках.

3. Государственный единый план лишает людей возможности самостоятельного творчества: огромный творческий созидательный потенциал огромного населения (Черкасовых и Снеговских) не может быть реализован. Страна нищает.

Людям, кроме того, просто противно работать в качестве механических винтиков огромной, бестолковой машины, да еще и невыгодно: зарплаты запланированы на годы вперед, и начальники не могут платить существенно больше за существенно больший, но не запланированный труд.

Спрашивается, как Горбачев может ликвидировать коррупцию, бюрократию, волюнтаризм и потемки государственного планирования, научно-техническую отсталость, неэффективность вложений, незаинтересованность и недисциплинированность в запланированном труде, неэкономность и распыление средств, "левые" работы, "левую" экономику вообще, если все это есть свойства социализма и результат его несоответствия человеческой природе? Какая идеологическая пропаганда может так коренным образом изменить человеческую природу, чтобы настолько разные и настолько непредсказуемые люди превратились в точно действующие заранее известным образом, механические винтики?

Вспомнить Сталина? Истребить миллионы Черкасовых и Снеговских? А они ведь с рождения воспитывались именно социализмом. Беда в том, что коррупция, бюрократизм, недисциплинированность, индивидуализм, эго-

изм, стяжательство под воздействием социализма пропитали всю человеческую массу сверху донизу, включая и КГБ, и аппарат управления, и тех, кто должен все эти язвы ликвидировать. Горбачеву пришлось бы отправить в концлагеря и на тот свет, вероятно, не менее 90% всего населения, чтобы добиться перевоспитания и необходимого послушания. Население за 68 лет после революции резко изменилось, растеряв все плоды сталинского образования. В борьбе за перестройку человеческого самосознания социализм потерпел полное поражение. Это можно видеть на примере самого "Великого вождя" и его Раисы. Они продемонстрировали собственное стяжательство, если не прямую коррупцию, одеваясь и украшаясь западным "барахлом".

Есть и еще важное и неприятное для Горбачева обстоятельство. Сталин, чтобы построить социализм, истребил 67 миллионов людей не своими руками. У него были миллионы послушных и заинтересованных исполнителей. Горбачеву этих заинтересованных в социализме миллионов исполнителей грязных дел не набрать. Их нет. Даже подкупить необходимые миллионы нечем: всего ведь не хватает. Словом, люди не те, обстоятельства не те, времена не те.

Необыкновенное признание

Апрельский пленум ЦК КПСС 1985 года сделал необыкновенно знаменательное заявление о том, что он решил поручить "экономистам и юристам решить задачу создания организационной экономико-правовой конструкции производственных отношений, которая бы обеспечивала триединство (!!! — А. Ф.) целей деятельности индивидуума (!!! — А. Ф.), трудового коллектива и всего предприятия в интересах общества".

Формулировка на первый взгляд довольно невинная и, я бы сказал, ставит вполне разумную и даже благородную задачу. Однако задача, в ней поставленная, есть смысл, суть и корень задачи социализма. Это суть многовековой мечты человечества осуществить гармонию личных, групповых и интересов общества в целом. В масштабе семьи, небольшого племени, небольшой группы подходящих людей эта гармония, этот солидаризм в большинстве случаев получается естественным образом. Связь личного и общего в таких малых коллективах вполне видима. В обществе миллионов эту связь наблюдать и видеть чрезвычайно трудно. Математики, я думаю, правильно считают, что в ее полном виде она объективно не может быть установлена. Действительно, еще никто не смог показать, как мое или ваше поведение отдельного гражданина влияет на

историю нашего общества в целом. В истории было немало попыток, включая социализм, осуществить эту гармонию, солидаризм интересов с помощью силы. Все они кончались неуспехом.

Вышеуказанное заявление ЦК КПСС является, я бы сказал, потрясающе важным, историческим документом. Оно раскрывает всю глубину тупика, в который попадают люди, пытающиеся осуществить идею социализма.

Во-первых, КПСС ясно заявляет, что она не справилась со своей главной и основной задачей, для выполнения которой она с самого начала и была создана, т. е. с задачей осуществления этой самой гармонии, "триединства целей".

Во-вторых, КПСС поручает решение своей задачи, отказываясь от него сама, экономистам и юристам. Но какое же они имеют отношение к этой многовековой задаче перестройки внутреннего мира человека так, чтобы совокупность его жизненных целей включала как-то чудесным образом еще и цели общества, которых он до сих пор, следовательно, не знал и им не следовал?

В-третьих, что же это за цели коллектива и общества? Ведь даже цели простой фабрики весьма сложны, не исчерпываются финансово-экономическими показателями, если рассматривать их в связи с целями всего общества. А в заявлении именно эта тесная связь и имеется в виду. И опять, как объективно узнать или определить эти самые цели общества? Если государственный план может быть только волюнтаристским, то, очевидно, что и цели могут быть только волюнтаристские. Кроме того, каждый из нас, отдельных людей, считает очень просто, что цель коллектива и цель общества состоит в том, чтобы сделать нашу жизнь полнее, интереснее, счастливее. И это правильно. Иначе зачем нам общество нужно? Ведь не для "классовой" же борьбы? Очевидно, что такая интерпретация целей общества КПСС не устраивает.

В-четвертых, КПСС, если судить по заявлению, отказывается от своего главного социалистического правила: общество (государство) — все, а личность, индивидуум — ничто, или коллектив — все, а индивидуум — ничто. КПСС, хотя бы на словах, вынуждена признать, что личность, индивидуума нельзя сбрасывать со счетов.

Трудно предсказать, какие, и будут ли, последствия этого необыкновенного партийного заявления. Ясно одно, что оно не в силах изменить ход вещей, который определяется не заявлениями, а свойствами социализма по отношению к свойствам человека. Однако трудно переоценить это свидетельство крушения попыток переделать сознание человека.

Было бы интересно узнать, что думают об этом заявлении читатели?

Примечание. Статья А. Федосеева весьма информативна, плохо только, что он продолжает применять свой ненаучный метод, выдавая свои соображения за факты. Вот, например, он хвалит высказывания некоей Черкасовой и добавляет: "Конечно, она не сказала и даже не думала сказать этих слов: долой социализм (откуда А. Федосеев знает, что не думала?!). Но они в этой речи незримо присутствуют. 15-20 лет тому назад такая ясность ума в вопросах социализма у Черкасовых и вообще у рядовых людей еще не существовала". Что за ерунда! Да эта ясность существовала не только 15-20 лет тому назад, но и 45 – 50 лет

тому назад! У крестьян повсеместно, а у рабочих довольно широко. Я-то разговаривала со многими по душам, а тем более под немецкой оккупацией, когда языки совсем развязались, и я слышала такое зрелое отрицание социализма, и повсеместно, такие слова государственной мудрости от простых людей, как А. Федосееву, видимо, и не снились. С ним там и не стали бы говорить откровенно, т. к. он занимал высокое положение, но его беда в том, что он признает только свой опыт и не способен, видимо, учитывать опыт других. А жаль, его построениям это очень бы помогло.

В. Пирожкова

ГОРБАЧЕВ И ЕГО БОРЬБА

Эти анекдоты пришли к нам, когда книга "Советский Союз в зеркале политического анекдота" уже была набрана, и попасть в нее не успели. Быть героем анекдотов – таков удел каждого генсека ЦКГБ – КПСС.

Горбачевская серия только началась и, судя по возрасту и деяниям ее героя, обещает быть длинной и притом нескудной.

Как и в отношении предыдущих генсеков, анекдотисты, в отличие от иных высокоученых советологов, не питают никаких иллюзий и относительно новейшего.

Армянское радио¹ спрашивают:

– Почему Горбачева избрали генсеком?

– По трем причинам:

1. НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ!

2. Благодаря его специальностям – как агроном он знает, как сажать, и как юрист он знает, кого сажать.

3. Благодаря фамилии, означавшей:

Гарантирую

Осуществление

Решений

Брежневая,

Андропова,

Черненко,

Если

Выживу.

А/р – Кто поддерживает Горбачева в Политбюро?

– Никто. Он сам пока ходит.

А/р – Почему исчезли конфеты "Мишка на севере"²?

– Потому что Мишка теперь в Кремле, а это Гришка³ на севере.

А/р – Откуда у Горбачева красное пятно на лбу?

– Это родимое пятно социализма (которым Бог шельму отметил).

Новые прозвища Горбачева: Минеральный секретарь, Сокин сын, Генсок с генсочкой, Лимонадный Джо.

Приехал Горбачев на завод. Спрашивает первого попавшегося рабочего:

– Вы, товарищ, здесь давно работаете?

– Да года три с лишком.

– И как?

– Да вот, на Доску почета повесили.

– А вы после стакана водки смогли бы так же трудиться?

– Думаю, что да.

– А после двух?

– Наверное, тоже сумел бы.

– А после трех?

– Видите ж, работаю!

А/р – Что такое "петля Горбачева"?

– Очередь за водкой.

Председатель сельсовета зовет в кабинет секретаршу и снимает с нее платье.

– Иван Петрович, хоть дверь закройте!

– Нельзя, Клавка. Еще подумают, что мы здесь водку пьем.

Сталин принял в Кремле делегацию октябрят. Взял одного мальчика на руки. Спрашивает:

– Что это у тебя за пятно на лбу?

– А почему от вас вином пахнет?

– А как тебя зовут?

– Миша Горбачев.

В Женеве корреспондент местной прессы спрашивает Горбачева по-немецки:

– Как называется ваша следующая книга?

– "Mein Kampf", – отвечает Горбачев.

Референт что-то шепчет генсеку на ухо.

¹ В дальнейшем – А/р.

² На их обертках изображен белый медведь среди льдов.

³ Григорий Романов – главный соперник Горбачева в Политбюро.

Горбачев уточняет:

— Против алкоголизма.

Новое постановление ЦК КПСС и СМ СССР:
На безалкогольных свадьбах вместо "ГОРЬ-
КО!" кричать "СОЧНО!"

Новый лозунг к XXVII съезду КПСС:
"ОТВЕТИМ НА КРАСНЫЙ ТЕРРОР БЕЛОЙ
ГОРЯЧКОЙ!"

А/р — Кто теперь сместит советский народ?
— Райкин-отец, Райкин-сын и Райкин
муж⁴.

⁴ Аркадий и Константин Райкины — известные совет-
ские артисты; жену Горбачева зовут Раиса.

Е. КАРМАЗИН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(По страницам журналов и газет)

Время и мы. В №86 журнала за 1985 год вве-
дена новая рубрика "Говорят выдающиеся
люди Америки". Идея сама по себе хороша —
она позволит устранить или ослабить некий
провинциализм журнала, публицистический
отдел которого безнадежно проигрывает, на-
пример, журналу "22".

Однако исполнение нельзя назвать удач-
ным. Интервьюируемые авторы с американ-
ской простотой высказали весьма спорные
взгляды без всяких доказательств. В част-
ности, если отвлечься на минуту от эконо-
мики, редактор журнала "Комментарии" Нор-
ман Подгорец заявил, что "если Израиль будет
уничтожен, то исчезнут евреи и в других стра-
нах. Евреи не перенесут второй Катастрофы в
нашем столетии". Г. Померанц в статье, при-
сланной из Москвы, держится противополо-
жного мнения: "Есть люди другого типа,
для которых домом может стать именно За-
пад, и они вправе ехать напрямик в Европу
или в Америку или хоть в Австралию, и не
впутываться в ближневосточные заботы. Меня
огорчило решение правительства Израиля не
поддерживать таких эмигрантов. Израиль соз-
дан энергией диаспоры, диаспора — страховка
еврейской судьбы. Рассыпанная по всему
миру, всюду беззащитная, она неуязвима для
одного удара. Если человечество уцелеет, то и
диаспора уцелеет. И если Израиль вновь по-
гибнет, диаспора когда-нибудь вновь его воз-
родит... Здесь ни у какого личного решения
нет монополии на историческую и нравствен-
ную оправданность... Но дело не только в
этом. Диаспора — это явление мировой куль-
туры. В диаспоре родилась одна из важнейших
мыслей Библии: "Будь милостив к страннику,
ибо сам ты был странником в земле Египет-
ской" ("Страна и мир", №1 — 2, 1985, стр.
102).

Горбатого могила исправит. — А Горбачева?

А/р — Как теперь понимать фамилию и ини-
циалы генсека?

— Граждане,
Обрадовались
Рано.
Брежнева,
Андропова,
Черненко
Еще
Вспомните
Милостивцами,
Справедливцами.

Собрал и опубликовал Сергей ТИКИН.

Лауреат Нобелевской премии по экономике
Мильтон Фридман также немало говорит об
Израиле и замечает: "Экономические про-
блемы, стоящие перед Израилем, могут ока-
заться куда серьезнее, чем проблемы военные.
В Израиле противостоят две тенденции
(социалистическая и рыночная), и новая тра-
диция сделалась сильнее старой. В данный
момент я отношусь к ситуации в Израиле весь-
ма пессимистически".

Главный интерес интервью М. Фридмана —
это его мнение о советских делах; но тут с
ним ни в чем нельзя согласиться. Вот основная
мысль профессора Фридмана: "Советская
экономика так неэффективна, что стоит там
ввести рыночную систему, как буквально че-
рез месяц практически все будут жить лучше
(не считая номенклатуры)". М. Фридман ни-
чем не доказывает эффективность этого пред-
ложения, но замечает: "Ведь Россия — это в
каком-то смысле тоже капиталистическая
страна, только там государственный капи-
тализм".

Гораздо вернее видел положение дел зна-
менитый марксист Рудольф Гильфердинг,
убитый нацистами в 1941 г. В его последней
статье, перепечатанной в журнале "Обозрение"
(№18 за январь 1986 г.), говорится: "Нет ни
буржуазного государства, ни капиталистов, а
нам говорят о государственном капитализме!
Политику определяет небольшой круг носи-
телей власти, которую они навязывают, как
закон, подчиненному им хозяйству. Конечно,
с социал-демократической точки зрения, си-
стеме большевистского хозяйства трудно на-
зывать социалистической. Ибо в нашем пред-
ставлении социализм неразрывно связан с
демократией. Но история, эта "наилучшая
марксистка", показала нам иное. Она учит нас,
что "управление вещами" может превратиться

в неограниченное господство над людьми. И потому хозяйственная система Сов. Союза представляет собой тоталитарное государственное хозяйство”.

Действительно, нет капиталистов, а нам говорят о рынке... да еще в месячный срок... На резонный вопрос: “Но там тысячи крупных заводов, как передать их частному сектору — продать самым богатым спекулянтам?” — М. Фридаман отвечает: “Вы выдаете каждому гражданину страны по акции, потом создаете фондовую биржу, на которой эти акции могут продаваться и покупаться”. — Но ведь именно через биржу все предприятия быстро перейдут в собственность нынешних богачей — аппаратчиков и спекулянтов. Будут ли они, чуждые морали и освобожденные от страха, управлять лучше Госплана? Или напротив — разваливать и расхищать эти акционерные предприятия, прожигая свою и чужую жизнь?

Далее проф. Фридман замечает: “В самой России на выделяемых колхозникам приусадебных участках производится около трети продовольствия страны”. Жаль, что М. Фридман не следит за эмигрантской прессой. Например, вот что сообщает С. Максудов: “Колоссальным, нечеловеческим трудом крестьянская семья, полностью отбывая в колхозе обязательную барщину, создавала на крохотном приусадебном участке дополнительный продукт... Сегодня доля внегосударственного оборота упала, и рыночные продажи составляют все меньшую часть общего розничного оборота. Так, мяса не государством производилось в 1965 г. — 40% всего производства в стране, в 1970 г. — 35%, в 1981 г. — 30%. Молока: в 1965 г. — 39%, в 1970 г. — 36%, в 1981 г. — 29%. Яиц: в 1965 г. — 67%, в 1981 г. — 31%. Доля рынка в общем объеме продаваемого продовольствия в государственных ценах составляла 3,8% в 1965 г. и 2,3% в 1981 г.” (“Русская мысль” от 25.8.83 г.). Как сообщает “Посев”, в 1984 г. в целом по стране население приобрело на рынках только 3,4% мясопродуктов, остальные 96,6% реализовано через государственную и кооперативную торговлю” (№ 10, 1985 г., стр. 29).*

Здесь следует еще раз опровергнуть мнение западных специалистов и советских диссидентов, якобы в СССР люди плохо работают. Вернувшаяся из ссылки Мальва Ланда узнала там больше, чем можно увидеть из тюремной камеры или диссидентских салонов. Вот что она теперь пишет: “Распространившееся в последнее время мнение, будто советские

трудящиеся трудятся в неполную силу, спуска рукава, — ошибочно. Большая часть всех числящихся трудящихся работает с полной отдачей, вкалывает вовсю”. А куда денешься? Работающий на заводе, фабрике, в шахте, на транспорте, в совхозе должен выполнять или даже перевыполнять норму выработки. Это обычно требует напряженного и утомительного труда в течение всего рабочего времени. То же самое относится к школьным преподавателям, к медицинским работникам, к счетным работникам, ко многим рядовым работникам торговли, независимо от того, насколько адекватно оценивается их труд” (“Русская мысль” от 4.4.86 г.).

Бывший советский дипломат Аркадий Шевченко правильнее, чем Нобелевский лауреат, оценивает советскую систему: “Необходимость преодолеть экономический и социальный застой в стране и особенно необходимость перераспределения ресурсов от военного к гражданскому сектору; нынешнее наращивание военного потенциала препятствует росту и развитию промышленности, сельского хозяйства и техническому прогрессу. Здесь, однако, следует кое-что уточнить. Советскую экономику в течение многих лет изображают в самых черных тонах. Однако спотыкающаяся экономика и другие трудности не должны вводить в заблуждение относительно устойчивости режима. Он располагает огромными естественными и человеческими ресурсами. По своей способности веками — даже не десятилетиями — выносить нужду и лишения советский народ превосходит все прочие народы мира, за исключением разве что китайцев. Советский Союз не начнет перевоплощаться в общество свободного предпринимательства и не распадется в скором времени” (“Разрыв с Москвой”, Нью-Йорк, 1985, стр. 510—511).

Гораздо вернее замечания М. Фридмана о Китае — видно, что Китай он знает: “Правящие круги Китая добились в сельском хозяйстве огромных успехов. Они говорят об аналогичных изменениях в области промышленности, однако здесь достигнуты куда меньшие успехи, и вряд ли их можно ждать в будущем. Чем сельское хозяйство отличается в этом смысле от промышленности? В Китае сельское хозяйство было лучше приспособлено к таким вещам. Контроль над ним был менее централизован и раньше. Более того, система, которая вводится у них в сельском хозяйстве, в большой степени соответствует их традиционному, историческому укладу”.

Знание — сила (Москва). В журнале № 10 за 1985 год опубликована статья академика Т. Заславской, автора не опубликованного в СССР “Новосибирского меморандума”, о котором мы писали в “Голосе зарубежья” № 37. К сведению критиков марксизма по старым

* Время немецкой оккупации показало, что крестьяне, освобожденные в северных районах от колхозов (на Украине Розенберг приказал сохранить колхозы) если не за месяц, то за год воспрянули и в значительной мере восстановили сельское хозяйство. (Прим. ред.)

догмам, приведем некоторые важные замечания Т. Заславской, опубликованные в СССР тиражом 600 тыс. экз.: "Традиционное представление о том, как развивается экономика социалистического общества, предполагает три **огрубляющих** допущения. Во-первых, экономическая деятельность людей полностью поддается планированию и управлению. Во-вторых, развитие социалистической экономики не зависит от социальной структуры общества, его деления на слои и группы. В-третьих, развитие самой системы управления социалистическим хозяйством, согласно этой схеме, происходит как бы автоматически, без борьбы интересов людей. Существенная, может, даже решающая часть реальности оказывается за рамками этой схемы.

Какой бы детальной ни была административная регламентация экономической жизни общества, у социально-экономических групп всегда остается некоторая свобода выбора поведения. Если ограничения, вводимые указами и инструкциями, противоречат жизненным интересам группы или сложившимся традициям и нормам, люди нередко находят способ обойти запрещение. В ответ органы управления принимают новые меры к тому, чтобы пресечь нежелательное поведение, группы определенным образом на это реагируют. Социально-экономическое поведение групп и деятельность административных органов — это своеобразный и постоянный диалог".

Посев. В № 1 за 1986 г. продолжается обсуждение проекта реформ советской экономики. На этот раз печатается статья И. Боброва, присланная из Москвы. Автор статьи стоит на неомарксистской точке зрения: "Изобилие товаров на прилавках магазинов Запада не может служить доказательством эффективности функционирования нецентрализованной экономики по той простой причине, что отсутствуют объективные критерии, оценивающие реальное соотношение товарной массы не только платежеспособному спросу, но, в первую очередь, истинным потребностям покупателей". ("Но кто призван решать, — спрашивает "Посев", — ЦК, Госплан или какой-нибудь НИИ?").

Зато о "черном рынке" автор высказывается вполне справедливо: "Насыщение черного рынка происходит либо за счет продукции, изъятой из государственного товарооборота, либо путем производства суррогата в кустарных артелях, либо за счет продукции, ввозимой частными лицами из-за рубежа. В первом случае подобные действия являются уголовно наказуемыми, во втором — не выходят за пределы простейших изделий, в третьем — товары являются предметом роскоши или престижа и составляют незначительную долю рыночных операций. Таким образом, черный рынок не может явиться

моделью рыночной экономики, внедряемой в общество с централизованно-плановой структурой и не может служить исходным звеном для развития рыночных связей".

Что до реформ, то И. Бобров предлагает в сельском хозяйстве "семейные фермы", однако "рыночная структура сельского хозяйства должна ограничиваться продукцией огородничества, мясо-молочного животноводства и птицеводства и не затрагивать производства основных зерновых культур. Наличие подсобной рыночной структуры позволит раз и навсегда решить проблему обеспечения населения продуктами питания". Уж так раз и навсегда... Кстати говоря, птицу, мясо или овощи, как известно, проще производить агро-промышленным путем, а не на "фермах". К счастью, закупки хлеба за границей предполагается сохранить: "Вследствие допущенных в свое время просчетов, сельское хозяйство остается одной из самых больных областей советской экономики". (В переводе с канцелярита: безвинно пролитая кровь вопиет к небу!)

В том же номере помещена статья Ф. Дозорцева "Слово в защиту директора". Наконец-то "Посев" решился причислить директоров к т. н. "конструктивным силам". — "По сообщению Прокуратуры СССР, только за 1984 год привлечено к уголовной, дисциплинарной и материальной ответственности более 18 тысяч советских директоров. Врачи подсчитали, что стрессовые ситуации, инфаркты и инсульты посещают советских директоров в 4 раза чаще, чем рядовых тружеников... Это уже не случайность, а уголовная политика. В СССР началась очередная кампания репрессий в отношении среднего звена управления народным хозяйством". Действительно, как сообщает "Экономическая газета" (№ 22 за май 1985 г.), генеральный прокурор Рекунков заявил, что ведется кампания борьбы с искажениями отчетности. "Всего за три года один за другим осуждены за приписки три директора коростышевского завода "Электроприбор". И каждый вовлек в это преступление группу подчиненных работников". — Как представишь себе этот несчастный провинциальный завод, который воистину безумная власть загнала в отчаяние и оцепенение... О какой уж работе там может идти речь!? И за что — в худшем случае приписали продукцию, которую закончат через неделю. Да и в это трудно поверить — обычно после первой раскрытой приписки все боятся своей тени. А тут 3 года подряд — да, это кампания репрессий...

Русская мысль. Газета продолжает печатать экономические странности. В номере от 22. 11. 85 г. в заметке за подписью И. А. сообщается: "советское руководство признает следующие неудачи: пятилетний план преду-

смастривал повышение производительности труда на 16—18%, а достигнуто было в 1984 г. — на 3, 8%". В чем же здесь неудача? 16—18% на пятилетку — это 3,4% в год.

В номере от 24. 1. 86 г. А. Юрьев сообщает: "Договорились с водителями молокозавода, чтобы те привезенную продукцию оформляли как сданную, но не сдавали, а везли обратно (в колхоз). Там снова оприходовали и опять гнали на завод. И все довольны. Случай этот, о котором, кстати, недавно рассказала газета "Известия" — вполне типичный". — Случай не типичный, а невозможный. Сданное молоко завод обязан отправить по разнарядке в магазины и получить от них деньги. А. Юрьев, рассказывая этот типичный вздор, предусмотрительно не указывает номер "Известий", но можно не сомневаться, что ничего подобного там нет.

По поводу борьбы с пьянством в номере от 28. 3. 86 г. публикуются несколько анекдотов, пришедших из Москвы, в том числе один блестящий: "Ударим красным террором по белой горячке". В номере от 4. 4. 86 г. печатаются сообщения Самиздата из Польши на ту же тему: "Суды, которые приговаривают старую торговку водкой к конфискации имущества, сейм, который утверждает закон, привязывающий рабочего к предприятию, действуют в политических и экономических интересах государства, в котором правящим классом является номенклатура... Несоразмерность наказания и вины, бесцеремонный государственный грабеж всего нажитого за целую жизнь, заключение в тюрьму — все это противоречит и общественным интересам и элементарному чувству правозаконности". — Но не видно, чтобы редакция газеты пересмотрела свое одобрение антиалкогольной кампании в СССР! (См. "Голос Зарубежья" №38 и 39.)

Ирина Иловайская в номере от 28. 2. 86 г. правильно пишет, что итальянская газета "Коррьере делла Сера" "упорно настаивала на добротности преподнесенной ею своим читателям дезинформации. Причина в данном случае — чрезмерное самолюбие редакторов и высокомерие газеты, которая считает унизительным признать ошибку". Жаль, что "Русская мысль" поступает еще хуже — она вообще не отзывается на критику.

Внутренние противоречия. В №13 за 1985 г. публикуется статья С. Максудова "Новый порядок" о коллективизации и терроре. Приведем отрывки: "Невольнo возникает вопрос: почему люди терпели? Почему не восстали, чтобы прекратить это страшное нечеловеческое положение? Они восставали. Грабили магазины и склады, убивали своих мучителей. Но восстания эти были без надежды на победу. Бунтовавшие знали, что они беспомощны и беззащитны, что поражение и наказание не-

избежны и рассчитывали только на снисхождение будущих победителей. Снисхождения не было. Государство демонстрировало сельскому населению свою абсолютную силу... В городах все более и более вводилось прикрепление к рабочему месту, пока, наконец, самовольные переходы с работы на работу не были запрещены. За опоздания и прогулы стали судить и ссылали в лагеря. Цены после отмены карточек выросли почти в десять раз, и зарплата за ними не поспевала. А главное, аресты и репрессии бушевали теперь среди горожан. Это там, оказывается, прятались главные враги и вредители, занимая руководящие посты или работая у станка".

В №14 за 1985 г. напечатан доклад И. Бирмана на Сахаровских слушаниях в Лондоне, на тему "Экономические права советского населения" (11 страниц), где автор осветил экономическую организацию общества, условия труда и уровень жизни. Доклад слишком слабый. На таком ответственном слушании автор обязан был добавить еще страницу и сказать об андроповских антирабочих законах, о положении с жильем в стране, не ограничиваясь официальной цифрой 13,8 м² на человека (а на очередь ставят, если меньше 4 м²). Впрочем, приведем и мы официальные сведения: "Количество строящихся квартир на 1000 жителей уменьшилось с 12,1 в 1960 г. до 7,3 в 1984 г. ("Экономическая газета" №6, февраль 1986 г., стр. 9).

...Опять истина стала жертвой номенклатурной касты...

Статья С. Максудова в том же номере представляет доклад для конференции профессоров Всемирной академии мира и посвящена демографическому положению в СССР. Вот основной вывод автора: "Уровень мужской смертности был и остается очень высоким. Разрыв в продолжительности жизни женщин и мужчин составляет уже 10—11 лет, т. е. является несомненным мировым рекордом. Из того факта, что женщины живут довольно долго, можно сделать вывод, что причины повышенной убыли сильного пола не в условиях быта, питания и медицинского обслуживания, а в особенностях социальной среды и производства. Однако плохо ли это для государства? По-видимому, нет. И тот факт, что невелика вероятность вступающего в жизнь оказаться на пенсии и жить в старческом возрасте многие годы вряд ли может беспокоить правительственных чиновников. Напротив, в интересах государства получить максимум рабочих рук в среднем возрасте и сократить социальные расходы на старости".

К сожалению, автор иногда впадает в неуместный стиль: "Советское руководство не пожелало даже увеличить срок выхода на пенсию, остался не тронутым и такой огромный резерв рабочей силы, как увеличение

продолжительности рабочего дня. Очевидно, что если и есть сегодня в СССР некоторая проблема трудовых ресурсов, то она заключается в их избыточности, мешающей подъему качества производства". — Что за игривость?! Вместо "не пожелало" надо было сказать "не смогло" или "не решилось". Увеличение продолжительности рабочего дня привело бы только к росту смертности и падению производительности. По поводу мифической идеи об "избыточности" рабочей силы можно привести заявление Горбачева: "Есть у нас трудности объективные (неблагоприятная демографическая ситуация, гонка вооружений — наиболее крупные из них)" ("Экономическая газета" №8, февраль 1986 г.). О том же, что "избыточность" каким-то образом "мешает подъему качества" — то это просто демагогия.

В заключение автор пишет: "Можно сказать, что демографический вызов XX века советская власть приняла с честью и использовала с большой выгодой. Огромный прирост населения позволил самые фантастические эксперименты и любые потери, вроде коллективизации, Гулага, депортации народов". — Опять неуместный стиль! Тут даже "выгода" явно отсутствует, а о "честь" лучше бы не говорить. Оставаясь в научных рамках, я сказал бы, что демографические результаты советской власти показывают нам образцовую тоталитарно-социалистическую диктатуру.

Страна и мир. Сергей Максудов покинул редколлегия журнала и перебрался во "Внутренние противоречия", а в "Стране и мире" его заменил неведомый нам Вадим Меникер. После этого экономического отдела журнала скатился на уровень агитпропа (или анти-совжвачки). Ведет отдел Рубен Бахтамов из Багдада (!), но с таким нестерпимо бойким пером, что можно поклясться страшной восточной клятвой: этот багдадский публицист только что сбежал с советского идеологического фронта на иракский... Нет, серьезно рассматривать эти статьи нельзя, их бы прямо в "Крокодил"... А ведь хорошо написал автор о строительстве БАМ'а ("Страна и мир" №3, 1985), когда джинны еще не совратили его на экономику...

Приезжай ко мне на БАМ...

Грани. В №134 опубликовано "Письмо ученому коллеге" Давида Толмазина, который ныне работает профессором Коннектикутского университета. Адресовано письмо профессору Гарвардского университета Тэну Густавсону.

Заглавие, пародирующее известный рассказ Чехова, нас, увы, не обманывает: стиль письма пошлый, чтобы не сказать вульгарный. Д. Толмазин, бывший советский эколог, решил преподать урок экономики американскому политологу. Не беремся судить о книге Т. Густавсона, которую мы не читали, но урок

Д. Толмазина производит удручающее впечатление. Уже в самом начале Д. Толмазин с трогательной откровенностью признается, что он до написания своего письма не считал "политикл сайенс" серьезной наукой. Без сомнения, наш эколог и экономику считает за пару пустяков, почему и решил осчастливить своими откровениями читающий мир.

Д. Толмазин сообщает, что в 1976 г. в качестве советского номенклатурщика он встретился с американской делегацией и по заданной программе вкручивал американцам липу: "Все, что чиновник говорит в беседе с иностранцем, надо разделить на 181, отнять 48, извлечь квадратный корень, а результат выбросить". Увы, дурные привычки прилипчивы; так основательно изучив обращение с цифрами, наш автор не стал с ними осторожнее.

И к сожалению, мы сразу натываемся — употребляя термины автора — на привирания, фальшивки и подделки. Вот он сообщает, что "за 10 лет из обращения исчезли 17 млрд. руб., как результат накоплений подпольного бизнеса. Сумма общих зарплат в эти годы составляла в СССР 300 млрд. руб. Как видим, пропавшие миллиарды составляют не такую уж маленькую часть общих доходов". Попробуем проверить эту информацию. Согласно сообщению ЦСУ, численность рабочих и служащих составляет 117,5 млн. чел., средняя зарплата — 190 руб. в месяц, колхозников — 12, 8 млн. чел. и 153 руб. ("Экономическая газета" №6, 1986). Перемножая эти цифры соответственно на 12 месяцев, мы получаем 268 + 23. 291 млрд. руб. Прибавляя еще доходы учащихся и пенсионеров, мы догадываемся, что общая сумма зарплат составляет 300 млрд. руб. в год, а за 10 лет — 3000 млрд. руб., т.е. пропавшие миллиарды составляют 0,6% общих доходов... Мы понимаем, что в Коннектикутском университете, быть может, нельзя достать "Экономическую газету", но думаем, что любой наш читатель без помощи ЦСУ и калькулятора легко мог произвести такой ориентировочный расчет, пользуясь лишь календарем Юлия Цезаря.

Когда-то гроссмейстер Остап Бендер на шахматном матче Москва—Васюки стащил с доски ферзя. Почему-то наши профессора стали терять нули. И. Бирман занизил в 10 раз фундаментальный расчет в своей статье "Угроза" (см. "Голос Зарубежья" №№23 и 35). Д. Толмазин тоже потерял по дороге лишний ноль. Недавно Владимир Рудинский, по поводу римского скандала с библиотекой им. Гоголя, напомнил заповедь "Не укради". Со своей стороны, я бы хотел напомнить ученым коллегам другую заповедь: "Не лги!".

С цифрами Д. Толмазину вообще не везет — лучше бы он их не приводил. "Колхоз как форма ведения сельского хозяйства посте-

пенно исчезает в СССР — из 126 тысяч колхозов в 1950 г., к 1970 г. осталось в живых только 25 тысяч», — пишет автор, «забывая» упомянуть укрупнение колхозов, проведенное в конце сталинской эры.

А вот еще одно фиктивное разоблачение. «Институт толкачей — это армия, состоящая из 400—500 тысяч коммивояжеров, как правило — толковых инженеров, агрономов, юристов, хорошо знающих пружины советской действительности. Лестью, подкупом, демагогическими речами, спайванием и угрозами они добывают все, в чем нуждаются их заводы, институты, учреждения». Смешно, что Д. Толмазин «забыл» здесь упомянуть, что основная часть толкачей — это штатные снабженцы («товароведы») и что основная часть материалов регулярно поступает по их заявкам из системы Госснаба.

Но чего не сделаешь в пылу несправедливых обвинений! «Армия официальных проституток дополняет деятельность армии толкачей. Стало привычным, что руководитель учреждения имеет в штате несколько миловидных и не слишком нравственных женщин, которые ничего не обязаны делать на службе, кроме того, что по приказу своего начальства направляются для оказания любовных услуг к полезным людям». На сей раз Д. Толмазин приводит и пример — и сразу попадает впрок: «Вместе со своими, как правило, губительными проектами Гидропроект рассылает по городам и весям длинноногих девиц — и процветает»... До сих пор мы думали, что дела Гидропроекта решает Политбюро, но оказывается, что это длинноногие девицы проталкивают стройки коммунизма через местные обкомы... Можно поклясться, что уж в этом прелестные девушки вовсе не виноваты...

Еще один пример легко разоблачается: «В большом индустриальном городе Кустанае нет клеенчатых скатертей. На один из заводов Днепропетровска в считанные дни завозится два-три грузовика краденого сырья, в цехе устанавливается соответствующий станок, на котором за неделю, работая по 3 смены, рабочие изготавливают необходимую клеенку. Распродажа ее происходит в Кустанае не тайком, не из-под полы, а вполне открыто, с прилавков центрального универмага. Знают о сделке не более 7-8 человек. После быстрой распродажи клеенки все следы этой акции уничтожаются». Здесь автор забыл 2 нуля — не 7-8, а 700—800 человек знают о деле. Не говоря уже о рабочих «в 3 смены», но и весь завод неминуемо узнал об этом, так же как и все продавцы универмага... Автор явно слышал звон, да не знает, где он. Вероятно, в рамках решений о производстве ширпотреба завод в считанные месяцы (а не дни) организовал плановое производство клеенки;

возможно, что из сотен грузовиков два-три были краденными.

Очень забавно сравнить высказывания автора о преступном мире: «Подпольный бизнес в ССР есть не что иное, как просто бизнес в западном смысле этого слова... Волна воровства поднимается все выше и выше. Психология вора, который готов тащить что угодно и откуда угодно»... Это и есть нормальный бизнес в западном смысле?

Еще один забавный пример. «Я знал многих руководителей предприятий, которые отправляли готовую продукцию по неправильному адресу с тем, чтобы оттянуть время наказания за скверное качество или несвоевременное изготовление этой продукции». — Но ведь в выполнении плана засчитывается только оплаченная заказчиком продукция, следовательно, завод умышленно отрезал себе возможность выполнить план? И — как заметит любой читатель — наказание за несвоевременное изготовление будет удвоено за отправку продукции не по адресу...

В конце концов поток фальсификаций натывается на неизбежное противоречие: «А как же живет в СССР армия тружеников тяжелой промышленности, военных предприятий, шахт, рудников? Им-то вроде украсть нечего. Руководители советской тяжелой индустрии хорошо знают о «тяжелом» положении своих подчиненных. Чтобы удержать на своих заводах и шахтах рабочую силу, они оплачивают эту категорию рабочих намного лучше, привлекают людей квартирами, длинными отпусками и более организованным снабжением». — Однако же, в тяжелой промышленности работают две трети (если не три четверти) работников, и чтобы снабжать, все это надо в других отраслях произвести (само Политбюро производит только директивы). Если половина ворует, а половина снабжается, то — по автору — производство стоит на должном уровне?..

И впрямь, автор так и думает: «Советская система легко справляется с крупномасштабными мероприятиями типа БАМ'а или массовыми однородными проектами вроде строительства жилищ... Что касается военного производства, лидеры меньше беспокоятся о нем, положившись на опытных технократов и военных, чьи успехи держат сегодня мир в страхе».

Здесь уже комментировать нечего. Подведем итоги: письмо ученому коллеге — это (по выбору читателя) халтура или пасквиль.

В том же номере «Граней» напечатана статья Екатерины Юнг «Понимают ли они нас?», где она с западной вежливостью замечает на эту тему: «Иностранцы, исследующие советскую систему, могут понимать ее не так, как понимаем ее мы. Но — давайте же, наконец,

отучаться от советского единомыслия! — Это совсем не означает, что они ее не понимают”.

Далее Е. Юнг приводит мнение американского корреспондента Д. Шипплера о диссидентах: “Многие из них — сами политические абсолютисты, такие же догматики, как пар-

тийные аппаратчики, с которыми они вместе учились в школе. Некоторые диссиденты ненавидели и избегали других диссидентов, чьи взгляды несколько отличались от их собственных; другие вертели фактами так же бесовестно, как партийные аппаратчики”.

Н. ВОЕЙКОВ

О КОРПОРАЦИЯХ В КИЕВСКОЙ РУСИ И ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Как писал Жак Пиренн, “начиная с IX века, пока Западная Европа покоилась при феодальном режиме, замкнутой экономике и крепостничестве, два больших пути образовались от Византии и Азии к Балтийскому морю. Один из них принадлежал русским и варягам, идя по Днепру и городам Киев, Чернигов и Минск; другой был в руках хазар и шел по Дону, проходя через хазарские рынки Итиль и Болгары; на нем появились русские города: Суздаль, Ярославль, Новгород, Старая Русса и Псков. Два последних соединены были важной дорогой, на которой были основаны Рязань и Смоленск. Несмотря на частые конфликты с Византией, русские города вели с ней выгодную торговлю и находились под ее влиянием, благодаря которому сложилась русская культура. Эти города, соединенные общностью экономических интересов и православной верой, образовали русское национальное государство. Это была федерация городов, владевших равниной, которую они оживляли своей деятельностью. Как в древнегреческих городах, купеческое сословие, состоявшее из глав семейств домовладельцев, выбирало городского голову и начальника милиции, который был также судьей, начальников участков и старшин торговых гильдий и корпораций ремесленников.

В середине IX века скандинавские вожди организовали защиту страны против князей этих купеческих самоуправляющихся городов, укрепляя их и разделяя с вечем власть судебную. Мало-помалу образовалась династия из князей главных городов, а в Киеве правил великий князь, как военачальник всех отрядов обширного Киево-Новгородского государства. Очень скоро там развилась блестящая цивилизация, непосредственно пришедшая из Византии.

С 865 года между Византией и Киевом подписывались международные договоры, политические и торговые. В 988 году в Киеве Русь, во главе с великим князем Св. Владимиром (956—1015), получила от греков крещение в православную веру. Заметим, что в истории Владимира прозвали “Северным Карлом Великим”.

В XI веке Ярослав Мудрый (978-1054) составил свод обычного права — “Русскую Правду”, по византийским кодексам законов. В ней говорится о торговых обществах, о кредитах, о комиссиях и соглашениях, о банкротствах и различных статьях международного права, уже принятых при Юстиниане, но еще неизвестных Европе. Столь развитые уже в ту эпоху юридические статьи этого закона не только давали право торговли и собственности иностранцам, но и преимущество их доверенностям над национальными доверенностями. Искусство, происходившее от Византии, породившее классическую русскую школу живописи, очень расцвело с начала XI века. Великие князья Киевские имели столь важное политическое значение, что короли Франции, Англии, Швеции, Венгрии, как и греческие василевсы, стремились породниться с ними путем браков. В X ВЕКЕ НОВГОРОДСКО-КИЕВСКОЕ ГОСУДАРСТВО БЫЛО САМЫМ АКТИВНЫМ И ЦИВИЛИЗОВАННЫМ ЦЕНТРОМ ЕВРОПЫ. Оно непосредственно сносилось с Византией, Багдадом, Индией и Китаем, а через Скандинавию — с Англией и Фландрией. Через Дунай русское влияние проникло в центральную Европу, содействовало основанию Праги и оживило древнеримский город Ратисбонну, ставшую первой столицей Германии в Баварском герцогстве”. (Жак Пиренн, “Главные течения Всеобщей Истории” Том II, стр. 42—43).

Климатическое и экологическое разнообразие огромного русского материка, от льдов Арктики до теплого Крыма, отразилось в большой степени и на экономике. Интересно, что вопреки этническим различиям между многочисленными народностями Руси, мы находим то же стремление к совместному труду, что и в Западной Европе. Будь то у монгольских сибиряков или у малороссов, с самых древних времен повсюду образуются союзы рыбаков и охотников, стремившихся улучшить условия жизни, несмотря на природные препятствия. Вольные цеховые союзы славяно-варягов разнятся от западных типично русской чертой: круговой ответственностью (порукой) своих членов в отношении

артели или ватаги, а также взаимной защитой каждого по заключении договора. Эту взаимную круговую ответственность русских ремесленников можно проследить во всех наших корпорациях вплоть до XVIII века, когда Петр Великий законом учредил иерархическое построение гильдий Империи. Набор орудий производства и работа составляли одно целое, каждый участвовал в общем труде, вкладывая свой пай деньгами или трудом, и мог покинуть артель, получив свою долю прибыли. Такая система, гарантируя личную свободу, появилась на Западе веками позже, в законодательстве английских трэдиюнионов (синдикатов), вследствие эволюции современной техники.

Любопытно заметить, что тот же принцип взаимной поруки наблюдался и в цехах, и в разбойничьих шайках, грабивших караваны и корабли у Каспийского моря. Само звание "атамана", принятое казаками, происходит от "ватамана", главы древних ватаг. Так значится в наших летописях и в Новгородских хартиях XIII века, а в Польше слово "ватаман" означало "начальник". Первые ватаги, упомянутые в летописях, были союзы рыбаков и охотников, промышлявших на Волге, Днепре и на побережье Черного и Каспийского морей. Им Россия обязана открытием Сибири, где эти предприимчивые удалыцы охотились на пушного зверя или отыскивали драгоценные камни. Им же принадлежит заслуга распахки и колонизации диких лесных пространств на Северо-Западе, куда проникали наши монахи и отшельники.

Согласно арабским историкам (Ибн-Хардат-бег (912), Массуди, Истархи и пр.), Русь продавала своим соседям шкуры бобров, соболей, лисиц, куниц и горностая. Охота была первым ремеслом наших предков славян, и меха служили деньгами, в частности, для уплаты оброка князьям. Затем шли рыбные промыслы, снаряженные ватагами на Беломорье, в Галиции, на Волхове, Двине и т. д.

Летописи сообщают, что в IX веке некий купец поднес королю Альфреду Великому (859-899) чудные "рыбьи зубы" (моржовые клыки), взятые на Белом море, и что в 1159 году князь Ростислав Новгородский такие же подарил Святославу Киевскому. В XIV и XV веках, по мере заселения северных краев, рыболовство стало главным промыслом новгородских ватаг и укшуйников (лодочников), охотившихся на тюленей и моржей в Ледовитом океане. Жир продавался ими торговым гильдиям, а кость и клыки служили для изделия разных украшений и домашней утвари.

Уже в X веке, после крещения Руси, артели каменщиков и плотников под руководством старшин (мастеров) строили повсюду храмы, дворцы и школы византийского стиля. Киев

быстро богател и украшался благодаря щедрости людей всех сословий. Знатные иностранные гости удивлялись и восхищались красотой его зданий. Так, Дитмар, епископ Мерцбургский (976-1018), описывает столицу, уже насчитывавшую 400 церквей и восемь рынков, причем церкви эти были первыми каменными зданиями на Руси. Большой пожар 1070 года разрушил там 700 церквей, что доказывает невероятную быстроту их сооружения. Каноник Адам Бременский описывает величие дворцов и храмов, созидавшихся русскими артелями и разукрашенных лучшими греческими мастерами; он даже сравнивает Киев XI века с Константинополем. Греческие артисты, кроме архитектуры, учили русских секретам мозаики и фресок, превращая их в пионеров знаменитой русско-византийской школы живописи. Цеховые ремесленники прославились как золотых дел мастера, эмалировщики и золотошвеи; их искусству принадлежат редкостные изделия: Остромирово Евангелие, заказанное Новгородским судьей, украшенное миниатюрами (1056), Архангельское (1097), Мстиславское, сделанное для князя Мстислава Новгородского, украшенное драгоценными камнями, жемчугом и эмалью, Георгиевское (1119), сделанное для Новгородского монастыря, и, наконец, знаменитое "Евангелие Помазания", которое Анна Ярославна, выходя замуж за короля Франции, Генриха I (1031-1060), привезла с собой в Реймс, где оно стало редкостным сокровищем собора.

В Новгороде славились цехи каменщиков, выстроивших в конце X века величественный Софийский собор "с 13 верхами", а также дворец Ярослава Мудрого. В XIII веке там было 150 церквей, из коих 100 каменных. В XIV веке Новгородскую школу иконописи всемирно прославил монах Андрей Рублев.

Древние византийские летописи сообщают, что уже в IX веке русские цехи были ценимы в Европе своими горшечными изделиями и керамикой, работая на станках, еще не виданных на Западе: в Скандинавии тогда работали ручным способом. Русские оружейные мастера и торговцы железом вывозили в Богемию и Францию кольчуги и замки лучшего качества. В XIII веке в Германию шли рукавицы, постельные приборы и посуда, продукты цехов города Пскова. В XIV веке развивается пчеловодство по мере заселения лесных участков и финских земель на Севере. В Муроме, Рязани, Смоленске, по примеру Киева и Галича, выделялся мед, напиток весьма ценный нашими предками; в Москве, основанной в XII веке, мед стал доходным продуктом вывоза. В то же время гильдии Смоленска и Пскова торговали с Ригой, закупая у немцев сельди, копченое мясо, ткани, дорогие металлы, свинец, серу, вино и пиво, а

продавали им меха, кожи, конский волос, сало, воск, дерево, скот и различные восточные изделия, как жемчуг, шелк, дорогие материи и оружие, привозимые караванами.

Князья и духовенство поручали разные работы старшинам корпораций, как мы видим, например, в хартиях 1288 года князя Владимира Галицкого; это были особенно плотники, слесари, дровосеки, кораблестроители, строители мостов, мастера луков, стрел, таранов и пр. В XIII веке Новгород поставлял прочим княжествам своих древообделывателей, в частности, мастеров колес и саней, уже известных при Олеге, в 907 году. В XIV веке Новгородские цехи строили лодки ("укшуи") и корабли, перевозившие 30 человек, ходившие по Балтийскому морю, Волге, Каме и Вятке. Более 2000 таких кораблей участвовали в походе Олега против греков и 10000 при Игоре. Напомним, что уже при славянах кораблестроение быстро росло. По примеру Киева, Владимир, Переяславль и позже Москва соперничали красотой своих каменных зданий, храмов, крепостей и т. д., начиная с XIV века. Москва особенно гордилась своими артелями каменщиков и плотников, а Вятка — гончарами и стекольщиками. Летописцы хвалили искусство смоленских кузнецов, в XIII веке выделявших косы, гвозди и рыболовные приборы. До XV века главными рынками были, кроме Киева: Владимир, Муром, Торжок, Смоленск, Русса, Псков, Москва, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Тверь, Кашин, Полоцк, Витебск и Чернигов.

Братства, бывшие вначале союзами верующих для благотворительности, тоже, как и на Западе, превратились в крупные ремесленные корпорации. Летописи пишут о купцах, портных, сапожниках, ткачах и пр. Каждое братство имело свой храм в честь покровителя ремесла, во время церковных служб братья держали свечу, они заботились о церковном благолепии, о причте, навещали больных и увечных, помогали бедным вести хозяйство. Вообще братства отличались своей честностью и справедливостью, как отмечают летописи XIV и XV веков, "Братья судят как судьи".

В Юго-Западном крае развитию братств способствовало "Магдебургское Право", дарованное королем Болеславом Польским, схожее с цеховыми западными уставами. Многие основали госпитали и школы, приюты и богадельни.

Ремесленная спайка, вдохновляющая братства на подвиги, проявляется и в их участии в расчистке и колонизации дремучих лесов, где они строили города и села. Как мы видели, в тяжелые годы татарского ига пионерами православия были смиренные иноки, строившие свои келии среди языческих инородцев.

Их деятельность одновременно являлась подвигом духовным и социальным, так как возле них селились и туземцы, привлекаемые кротостью, и русские пришельцы. Артельщики вместе с монахами создавали жилища и школы, больницы и странноприимные дома. Церкви строились деревянные и с непостижимой быстротой: некоторые даже за одни сутки!

Новгород, древний град и первая столица Руси, избежал татарского ига и управлялся князьями, избираемыми на вече, и издавна славился своей торговлей. Прозванный "Господином Великим Новгородом", он насчитывал в XIV веке более 400000 жителей. После падения Киева, разрушенного татарами, в Новгороде продолжала развиваться культура, унаследованная от Византии. Новгородцы били свою монету и, подобно Брюгге, гордились красотой своих зданий. В Кремле проживали именитые "гости", купцы разных стран, с XIII века ведшие там оживленную торговлю. Корпорации в большой степени способствовали благополучию города, торговавшего со всем миром, являясь конечным пунктом знаменитой Ганзы. Величественный храм Св. Михаила Архангела, весь каменный, был выстроен и распisan цехами в один год, причем иконописцы были лучшие ученики новгородской школы.

Ремесленники, как в Париже, Брюгге и Брюсселе, составляли большие общины и расселялись по улицам и кварталам, названным по имени цеха. Каждая улица или "конец" выбирали своего старосту, ответственного за порядок, и, как мы видели, цехи имели свои приходы, носившие имена святых покровителей ремесла. Приход был естественным центром жизни ремесленников, в нем находился их дом, где хранились документы и казна, и там же был братский суд. В этом помещении принимались ученики и устраивались пиршества по праздникам. Корпорации имели права суда независимо от городских властей, и их старшины славилась справедливостью. На Юго-Западе и в Литовском княжестве городская жизнь цехов была того же порядка.

Во время пиршеств братья пили "братский мед", а круговая чаша, "братский кубок", передавался по рядам пирующих. На пиры приглашались городские сановники, и особенно щедро раздавалась милостыня бедным и узникам, так как на первом месте всегда была благотворительность. В XV веке, на Троицу и Николин день, братья "сытили мед" в торжественной обстановке, употребляя около 400 фунтов сотового меда на каждый праздник. Остаток продавали в пользу причта и нищей братии, а из воска делали церковные свечи. Заметим, что обычай селиться по ремеслу существовал в Новгороде еще в XVII веке. Старейшая торговая гильдия, рас-

положенная возле храма Св. Иоанна Крестителя на Опоках, упомянута в летописях XII века. Князь Всеволод выдал ей дарственную грамоту о льготах и щедро одарил. Гильдия эта особенно отличилась в XVI веке, когда купцы Новгорода ходили по всем морям и прославились в Европе честностью и щедростью. Будучи активными членами Ганзы, купцы любили широкую жизнь и размах, дома их были для всех открыты, и гостеприимство Новгорода вошло в пословицу. Римский-Корсаков недаром отметил эту черту в опере "Садко", действие которой происходит в Новгороде.

Итак, городская жизнь протекала свободно, благодаря традициям древнего благочестия, а русские законы во многом превышали современные западные. Когда наконец Русь освободилась от татар, Новгород вернулся в общую семью и налаженная в нем корпоративная система немало пользы принесла Русскому Царству.

Освободившись, Московская Русь собрала вокруг себя бывшие удельные княжества и стала столицей грядущей Российской Империи. Благодаря корпоратизму, русская экономика постепенно приобщалась к техническим достижениям Западной Европы, от которой Русь была отрезана в продолжение 300 лет. Следует отметить, что к русской Церкви татары относились терпимо, что позволило ей беспрепятственно строить повсюду, даже в самой Орде, храмы и обители. Как было сказано, наши мастера соперничали в их украшении, а князья и верующие всех сословий не жалели средств для церковного благолепия, жертвуя щедро на оклады икон из драгоценных камней, на раки святых мощей, золотую и серебряную утварь, колокола и т.д. Иностранцы дивились красоте создаваемых в Москве соборов и дворцов, отражавших в своей архитектуре и убранстве глубокую духовность, которая уже утрачивалась на Западе в эпоху Возрождения. Не следует забывать, что, приняв на себя татарское иго, Русь оградила собою Европу, давая ей возможность мирно развиваться во всех отраслях.

Москва после падения Константинополя быстро росла. При великом князе Иване III (1440—1505), женившемся на Софии Палеолог, государственным гербом стал греческий двуглавый орел, к которому прибавлен был Московский, изображавший Св. Георгия, поражающего копием дракона. Иван III и сын его Василий III (1505—1533) украсили Кремль соборами и дворцами при помощи известных италийских архитекторов, но в византийском стиле. Успенский и Архангельский соборы были перестроены и роскошно расписаны лучшими нашими иконописцами. Грустно и стыдно заметить тут, что столько

содержимых в Кремле сокровищ и драгоценностей, оставшихся целыми от врагов, были варварски расхищены советами после октябрьской революции 1917 года... В обмен на иностранную валюту коммунисты не постеснялись распродавать эти народные ценности вместе с другими шедеврами искусства, например, картинами Императорского Петербургского Эрмитажа и прочим...

Барон Герберштейн (1484—1566), посланник Священной Римской Империи, в своем сочинении "Рерум Московитарум Комментарий", изданном в Вене в 1549 году, описывая Москву времен Василия III, поражается красотой столицы и блеском великокняжеского двора. Кроме посольств, туда стекались купцы, инженеры, техники и иностранные мастера, а русские стали путешествовать: купец из Твери, Афанасий Никитин, доехал до Индии задолго до ее открытия Васко де Гама и написал интереснейшую повесть "Хождение за три моря" (1466—1472).

Со времен Ивана III в Москве также развились ремесла и промышленность. Оружейные и литейные цехи основались на Пушечном Дворе, где возникла первая русская оружейная фабрика, на берегу Москвы-реки. Первые пушки носили имена своих мастеров-литейщиков. При Иване IV (1533—1584), первом Царе Московском и всея Руси, фабрика эта была в полном действии и отливала ядра весом в 60 кг, а в 1553 году была основана в Москве первая русская типография дяком Иваном Федоровым. В 1586 году мастер Андрей Чохов отлил пушку калибра 80 см, диковинную в ту эпоху, названную "Царь-Пушка", весом в 38 тонн. В следующем веке другое чудо этого завода поразило современников: это был "Царь-Колокол", весивший 200 тонн, отлитый той же артелью литейщиков. Как известно, эти диковинные изделия до сих пор находятся у подножия собора Ивана Великого в Московском Кремле.

Кроме того, вокруг столицы возникли различные мастерские: ткачей, механиков, суконщиков, часовщиков, прядильщиков, работы по металлам и т.д.

В Вятке и других губерниях артели деревенских кустарей вырезали из дерева и раскрашивали разные игрушки, яйца, блюда, приборы и пр., получившие мировую известность до наших дней.

В апреле 1722 года Петр Великий издал указ о русских корпорациях, отдавая себе отчет в их значении. В цехи мог записываться всякий желавший заниматься любым ремеслом; получив от старшин надлежащее свидетельство, он мог стать мастером и держать подмастерьев и учеников. Ученики получали свидетельство об изучении ремесла после семилетнего обучения у мастера. Кроме того,

все городские жители (кроме духовенства, дворян и иностранцев), делились на две гильдии. К первой относились банкиры, купцы и лица свободных профессий: доктора, художники и пр., ко второй — мелочные торговцы и ремесленники. Старшины цехов могли получать гражданские чины и становиться

советниками и бургомистрами.

Это законодательство, расширенное при Екатерине II, предоставляло свободу входа в корпорации на любой срок по желанию кандидата, продолжая пользоваться всеми правами и льготами, предвиденными законами Российской Империи.

Д. ПЕТРОВ

ЗАГАДКИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Советский журнал "Знание — сила" (№7, 1985) публикует, под названием "Языки мира и мир языка", чрезвычайно интересное интервью, взятое его корреспонденткой Г. Бельской у сотрудника Института Востоковедения Академии наук А. Милитарева, посвященное проблеме так называемых **ностратических языков**. Термин **ностратические** (от латинского *poster* "наш") был введен в оборот еще в 1903 г. Г. Педерсеном, и покрывает следующие 6 языковых семей: алтайскую, уральскую, дравидийскую, индоевропейскую, картвельскую и семитохамитскую. Их родство, — понятно, отдаленное, — можно в наши дни считать доказанным, и в этой области, надо признать, подсоветские ученые далеко опередили западных (и всех остальных). Главная заслуга принадлежит молодому трагически погибшему лингвисту Илличу-Свитычу, автору замечательной книги "Опыт сравнения ностратических языков" (Москва, 1971).

По счастью, у него нашлись достойные наследники: славист В. Дыбо, семитохамитолог И. Дьяконов, картвелист Г. Климов и ряд других (включая не упоминаемого больше в СССР А. Долгопольского, специалиста по языкам Сибири, эмигрировавшего в Израиль). Разумеется, они основываются то на многолетней предшествовавшей работе языковедов по всему миру, собиравших материалы и делавших сравнения между отдельными языками и языковыми семьями: так, Коллиндер и Рясянен — между уральскими, алтайскими и индоевропейскими, Меллер — между семитохамитскими и индоевропейскими и т. д. Теперь подсоветские ученые пытаются даже расширить сравнения, помимо перечисленных выше языков, на языки североамериканских индейцев и на алеутско-эскимосские.

Изложение А. Милитарева увлекательно даже для людей, далеких от языковедения, и открывает головокружительные перспективы. Понятно, что, сведя громадное многообразие существующих (и мертвых) языков к ограниченному числу групп, мы приблизимся (хотя до цели еще и очень далеко) к реконструкции первоначального языка человечества.

* А ведь даже одно установление факта, что у всех людей имелся некогда единый общий язык, свидетельствовало бы непреложно о единстве происхождения человека, которое покамест многими отрицается! И подтвердило бы, мимоходом заметим, полную правдивость Библии, возводящей человеческий род к одному месту и времени, к общим для всех прародителям. Важнее еще, пожалуй: на пути к решению этих трудных вопросов мы смогли бы с большой точностью определить миграции наших предков, сношения между разными их группами и узнать доселе загадочные и непостижимые подробности их прошлого.

"Слова — это вещи", — говорили немецкие лингвисты, и говорили правильно. Поэтому, руководясь языком, мы могли бы выяснить, в какой стране то или иное племя жило сначала и куда переселилось позже; какие деревья, какие растения, какие животные и какие природные явления были для него привычны, с какими оно столкнулось лишь потом; какими инструментами оно пользовалось ранее, к каким перешло затем и т. п.

Открывающая новые горизонты работа подсоветских ученых достойна, безусловно, уважения и даже восхищения; особенно, когда мы вспомним (Милитарев слегка затрагивает эту тему), что сравнительное языкознание долго находилось в СССР под запретом, заглавленное чудовищным **новым учением о языке** профессора Н. Марра.

Остается, однако, пожалеть, что данная группа молодых и способных лингвистов, авангард мировой науки в своей области, проходит мимо некоторых важнейших проблем, тесно соприкасающихся с их работой. Попробуем оные проблемы кратко резюмировать, оговорившись, что они ни в чем не противоречат разбираемым выше гипотезам, а только дополняют их в иных направлениях, давая тем возможность к новым открытиям.

Еще в начале прошлого века В. Гумбольдт, а за ним гораздо более основательно Ф. Бопп (один из величайших лингвистов всех времен), Р. Брандштеггер, Э. Трегер и Дж. М. Броун обращали внимание на поразительное сходство множества слов в малайско-полинезийских языках, с одной стороны, и в индоевропейских

— с другой. К несчастью, Бопп, одаренный поразительной интуицией, проявлял часто небрежность к деталям: вот почему его куда менее талантливым коллегам (из них выделялся некий Вульф) удалось его заклевать, объявив его предположения о родстве между данными семьями ошибочными. Тут сыграло роль и то, что Бопп недостаточно знал малайско-полинезийские языки, да и не мог их основательно знать: их изучение европейцами находилось тогда еще в начальной стадии. Что до Трегера и Броуна, они пытались сравнивать непосредственно полинезийскую ветвь, дальше всего отошедшую в своем развитии от первоначальных образцов, с индоевропейскими языками; нечто вроде того, как если бы кто сравнивал французский язык с индоевропейским праязыком, минуя латынь (сопоставление отнюдь не невозможное, но неизбежно шаткое и ненадежное). Следовало же, конечно, исходить из более консервативной индонезийской ветви.

Попробуем, однако, откинуть установившиеся предрассудки и подойти к делу заново и беспристрастно. Сравнение между языками базируется на наличии сходных слов со сходным значением (сравнение грамматической структуры менее надежно, ибо она меняется во времени; оставим ее пока в стороне). Отдельные похожие слова можно объяснить случайным совпадением. Но когда их набираются десятки и сотни, это толкование отпадает. Остается тогда предполагать заимствование. Но оно тут тоже невозможно. Правда, малайский язык, отчасти и тагальский, испытали влияние санскрита и индийской культуры. Однако сие влияние никак не могло простираться до Полинезии и Меланезии. Следовательно, слова, общие малайскому языку с языками Новой Зеландии и Новой Каледонии, островов Фиджи и Самоа, не могут происходить из санскрита. Притом известно, что основные слова повседневного употребления вообще редко заимствуются. И, наконец, нельзя было из санскрита взять слова, которых там нет. Приведем один пример. Малайское и яванское *pusa* "остров" не имеет соответствия в санскрите, где это понятие выражается словом *dvipa*. Зато по-гречески остров называется *nesos* (данное слово лингвисты давно заметили и неубедительно стараются объяснить его совпадением).

В случае же, когда налицо обильный общий словарь (в сотни и даже тысячи слов!) и нужно откинуть гипотезу о заимствовании, мы — подходя честно — должны признать генетическое родство.

Чтобы не быть голословным, приведем несколько примеров. Причем скажем заранее, что соответствия с индоевропейскими языками тут определяются строгими фонетическими законами (не будем пытаться их из-

ложить по недостатку места и чтобы не утомлять читателя!). Примеры же мы берем из малайского языка, общего для Малайзии и Индонезии; причем почти всегда у цитируемых слов есть соответствия в других малайско-полинезийских языках, вплоть до Формозы, Мадагаскара и острова Пасхи (но мы их не даем по указанным уже выше причинам). В скобках за малайским словом мы помещаем предлагаемую нами реконструкцию; разница в дальнейшем развитии объясняется главным образом местом ударения и долготой или краткостью гласных, которых мы по техническим причинам не можем здесь обозначать.

Вот, для начала, названия некоторых животных: *kerbau* (*kereueios*) "буйвол" — латинское *cervus* "олень", русское *копорова*; *kerawit* (*kuoreuitos*) "личинка" и *keruma* (*kuoremos*) "чесоточный клещ" — рус. *червь*, лат. *vermis*; *tupai* (*telpaios*) "белка" — лат. *talpa* "крот"; *punai* (*petnaios*) "голубь" — латышское *putns* "птица"; *siput* (*serpent*) "улитка" — лат. *serpens* "змея". Можно заметить, что в малайско-полинезийских языках в комбинации из двух согласных первый обычно выпадает. Любопытны следующие названия: *beruang* (*bherouos*) "медведь" — немецкое *Bär* "медведь" и *beranh-berang* "выдра" — нем. *Biber* "бобр" (оба слова выходят к корню *bher* — "коричневый", "бурый"; при этом, во втором, — с удвоением), слово *anoa* (*elnous*) "дикий буйвол" сохраняет индоевропейское обозначение "олень"; слово *udang* (*uodos*) "креветка" выходит к индоевропейскому обозначению "водяного животного": греческое *hydra* "водяная змея". В смысле "воды" оно у малайско-полинезийцев исчезло; хотя укажем на яванское *wedang* "горячая вода". Будем считать, в виде рабочей гипотезы, что окончание *-ng* свидетельствует о более старом ударении на конце слова; кстати, в индоевропейском праязыке, по мнению специалистов, конечное ударение было характерно для одушевленных существ, включая деревья и растения, воспринимающиеся как нечто живое.

Возьмем несколько видов оружия и музыкальных инструментов: *beliung* (*bheitloiom*) "топор"; *pedang* (*spedha*) "меч" — английское *spade* "лопата", гр. *spathe* "меч"; *panah* (*pet-sna*) — лат. *penna* "перо", "стрела"; *sangkur* (*sekuris*) "штык" — лат. *securis* рус. *секира*; *seruling* (*suorolis*) "дудка" — рус. *свирель*; *gendang* (*gunda*) "барабан" — рус. *гудок*.

Рассмотрим имена деревьев и растений: *pinang* (*pitnos*) "ореховая пальма" — лат. *pinus* "сосна"; *pisang* (*pisos*) "банан" — лат. *pirus* "груша" (лат. *r* выходит к первоначальному *s*); *kerangkai* "дуб" — лат. *guercus* "дуб"; *beringin* (*bherinis*) "баньяновое дерево" — рус. *бебеза*; *beras* (*bheres*) "рис" — лат. *far* "полба", англ. *darley* "ячмень"; *bawang* (*bolbos*) "чес-

нок" — гр. *bolbos* "лук".

В области глаголов малайский язык представляет, как правило, единую форму, вроде английского *love* или *like*, к которой присоединяются префиксы и иногда окончания для выражения различных оттенков. Предположим пока, что эта окаменевшая форма восходит к первоначальному первому лицу единственного числа: *laung* (*laio*) "кричать" — рус. *лаю*; *raung* (*rouo*) "реветь" — рус. *реву*; *tundung* (*steudo*) "отражать", "прогонять" — лат. *tundo* "ударять"; *potong* (*puto*) "резать", "отрезать"; *rompong* (*rumpo*) "наносить повреждение" — лат. *rumpo* "ломать". Эти глаголы предполагают старое ударение на конце; в других оно падало на начало: *susu* (*seuso*) "сосать" — рус. *сосу*; *seru* (*suoro*) "кричать" — нем. *schwören* "клясться"; *tunu* (*terso*) "гореть", "поджигать" — лат. *torreo* "сушить" (тот же звуковой переход мы видим в слове *tanah* "земля" (*tersa*) — лат. *terra* "земля").

Наконец, среди прилагательных отметим следующие: *manis* (*matnis*) "сладкий", "милый" — лат. *manis* хороший; *malang* (*smelos*) "несчастливый" — лат. *malus* "злой", "плохой"; *muda* (*meldos*) "молодой" — рус. *молёдой*; *sulung* (*solus*) "первый" — лат. *solus* "единственный". Слова *balar* (*bhelos*) и *bulai* (*bhelaio*) служат для обозначения "альбиноса" и соответствуют нашему слову *белый*. К тому же корню восходит название луны, *bulan* (*bhela*), т. е. "белая", "блестящая".

Если сходство не всегда кидается в глаза, то лишь потому, что оно маскируется некоторыми фонетическими изменениями (весьма, впрочем, прозрачными). Так, п между гласными принимает форму *ng*: *angin* (*anis*) "ветер" — лат. *animus* "дух", гр. *anemos* "ветер"; *lengan* (*lena*) "рука" — гр. *olene* "локоть"; *lenga* "кунжут" — рус. *лен*. Тогда как *g* между гласными превращается в *k*: *makin* (*megis*) "больше"; *kuku* (*kegom*) "коготь" — рус. *коготь*; *aku* (*egom*) "я" — лат. *ego*, славянское *азъ*; *bakar* (*bhegor*) "жечь" — нем. *backen* "печь". В начале же слова *g* (за кое-какими исключениями) представлено как *g*: *getah* (*gutta*) "клеякий сок" — лат. *gutta* "капля"; *gelembung* (*gelobhus*) "мыльный пузырь" — лат.

globus "шар".

Все эти аналогии я более или менее подробно изложил и прокомментировал два раза: в бельгийском лингвистическом журнале "Orbis" (tome XVI, №2, 1967) и в русском журнале "Возрождение" (№243, 1974). Никаких откликов не последовало. Хотя, казалось бы, почему не сделать возражения, буде они есть? И разве вопрос не заслуживает интереса, если я прав? Но западную лингвистику, особенно компаративную, и специально в области индоевропейистики, разбил некий паралич. Вполне справедливо писал В. Иллич-Свитыч в упомянутой выше книге: "В индоевропейстике, начиная со времени младограмматиков и до 30—40-х годов, господствует несколько пренебрежительное отношение к опытам внешнего сравнения как к дилетантским работам, не основывающимся на точных методах. Подобная точка зрения, имевшая основания в конце XIX — начале XX века, когда индоевропейская компаративистика являлась фактически единственной разработанной отраслью компаративистики вообще... стала тормозящим науку анахронизмом!". Тормозит, увы, и поныне!

В остальном можно бы еще посоветовать группе, продолжающей дело Иллича-Свитыча, обратить внимание на языки банту и, в частности, на суахили. Уже не один исследователь констатировал изумительные аналогии отдельных слов в этом языке с индоевропейскими.

Укажем от себя несколько примеров: *aua* "обозревать", "осматривать", "проверять" — санскритское *avati* "обращать внимание"; *bandika* "прикреплять", "приклеивать" — нем. *binden* "привязывать"; *bega* "плечо" — скр. *bahuh* "рука"; *dokeza* "намекать", "наводить на мысль" — лат. *dokeo* "учить"; *maliza* "кончать" — русск. *малиться*; *umalyat*, *mwezi* "месяц" — лат. *mensis* "месяц".

Любопытны также некоторые слова в мексиканском языке нахуатль, такие как *metzli* "месяц", *moyotl* "муха" и, может быть, *tlantli* "зуб" (*dentis*?). Если этот список можно продолжить, вопрос заслуживал бы исследования.

В. РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"L'autre Europe" №7—8. Сдвоенный номер французского толстого журнала посвящен теме "Россия и Европа". Собранным тут статьям и отрывкам подошло бы в виде подзаголовка название известного романа Дж. Конрада: "Under Western Eyes". На взгляд Запада... и какой же это недобрый и неглупый взгляд на Россию! Удивляешься... хотя

уж мы ли не привыкли... Ж. Нива верно формулирует отношение к нам Европы: или советофильство, или кюстинство (т. е. тупая неприязнь (к любой и всякой России)).

Западная Европа не умеет нам простить отличия от нее, непохожести на нее; раз не так, как у них, значит хуже! — рассуждает она. Пусть факты и не подтверждают ее над

нами превосходства: тщетно она посылала лучших своих полководцев, — Карла XII, Фридриха Великого, Наполеона, гитлеровских генералов; словами Пушкина, их войскам нашлось место в полях России... но не то, какого бы им хотелось. В сфере же искусства, науки и техники минули времена, когда можно было упрекать нас в отсталости.

В журнале щедро представлены и сам Кюстин, и его последователи как Мишле и наш современник Безансон, которые ничем не лучше. Сомнительные это авторитеты: маркиз Астольф, сексуальный извращенец, был, после нескольких громких скандалов, изгнан из светских салонов; модный когда-то Мишле утратил всякий вес как историк, и его цитируют теперь разве что как курьез. В подмогу им завербована мелкая нечисть из стран-сателлитов. Поляк Ю. Мерошевский развивает планы расчленения и уничтожения России; именно такие схемы исключают сотрудничество поляков и русских против большевизма, столь нужное и тем, и другим. Чех Я. Владислав неистощим в собирании злбной клеветы своих соотечественников разных времен против России. Ну, у поляков накопились на нас старые обиды, справедливые и ложные; а чехи-то что?! Им Россия всегда сочувствовала, как славянам, в их сопротивлении онемечиванию; чем могла, и помогала. И вот чем они платят! ...А уж переносить на вечную Россию свое раздражение по адресу нынешних кремлевских владык — и вовсе пустое дело! Угождают Западу? Но тот пальцем о палец не ударил в защиту поляков, венгров, чехов; не очень беспокоится и об афганцах. Плоха на него надежда! Стоит ли жертвовать совестью для его удовольствия? Со стороны евреев привлечен известный своим антирусизмом Ш. Маркиш. Хорошо быть руссофобом на Западе!

В иступленном хоре врагов тонут отдельные (кратчайшие!) доброжелательные или хотя бы объективные высказывания порядочных и серьезных людей, как Л. Леже, А. Леруа — Болье, Т. Карлейль. Более чем умеренно дано слово немногим русским писателям и мыслителям, — зато, правда, блестящим! — Пушкину, Хомякову, Тютчеву, Данилевскому. С другими, как с пламенным русским патриотом Лермонтовым, сыграна скверная шутка: приводятся его стихи о **немытой России**, коим придается руссоедский характер (а почему бы не "Спор", "Бородино", "В шапке золота литого"?). Что "Скифы" Блока приведены целиком, — это понятно. **Такая Россия** и потребна воображению Запада (недаром ее с талантом рисовали, задолго до Блока, Беранже и Эспронседа).

Согласно подлой, но прочно установившейся традиции, в дискуссию допущены представители 1-ой и 3-ей волн, при исключении

2-й (за измену Сталину!). Из 1-й особенно противен Л. Поялков, глумящийся над нашей родиной при помощи пошлых исторических анекдотов низшего уровня. Но признаем, с некоторым удивлением и не без удовлетворения, что здесь (очутившись перед лицом откровенных ненавистников?), В. Максимов, Н. Горбаневская, Э. Кузнецов и даже (кто бы подумал!) Е. Эткинд выступают с довольно честными заявлениями. Меньше мужества проявили В. Буковский и Ю. Кублановский. А. Синявский и А. Зиновьев отвратительны как всегда.

Ф. Том пытается резюмировать мнения новейшей эмиграции, деля ее на **патриотов** и **демократов**. К сожалению, она неспособна сохранять беспристрастность; вместо изложения взглядов Солженицына, у нее получается грубая сатира, а резюме идей плюралистов превращается в панегирик им. Тем и другим она приписывает желание разъединить Россию, пробуждающее в ней живейшее одобрение.

Наоборот, высказывания в противоположном смысле Р. Редлиха навлекают с ее стороны взрыв негодования. Разочаруем г-жу Том: такие, как у него, настроения превалируют в доновой эмиграции и внутри СССР, да не чужды и значительной части новейших.

Укажем как курьез: упоминая известного писателя Л. Ржевского (представителя как раз 2-ой волны!), редакция определяет его как подсоветского, т. е. живущего в СССР.

"Русская Жизнь". Чтобы сочинять статьи на античные темы, нужно уметь писать римские и греческие имена. И. Грэм считает, — и так сойдет! И называет любимцев Нерона **Спорусом** и **Дориферусом**; а надо бы: Спор и Дорифор. О. Коренева промчалась буквально галопом по **Европам**, посетив все западно-европейские страны, кроме Пиренейского полуострова, что и описывает на одной газетной странице, причем вполне грамотно (редкость в "Русской Жизни"!) и даже интересно. А. д'Альби некстати щеголяет итальянским акцентом в испанских и португальских названиях; например, **остров Санта Чечилия**, вместо Санта Сесилия. Ю. Мейер мечтает сократить численность человечества и, вполне справедливо, возлагает большие надежды на большевиков. А вот на Эйдс он зря рассчитывает: сия болезнь уничтожает выборочно как раз людей, неспособных или не желающих размножаться. Их исчезновение не поведет к уменьшению людского рода.

"Русской Жизни" безусловно подобает присудить первенство по безграмотности в Зарубежии, которое и вообще-то не блещет знанием грамматики и орфографии. Стыдно читать на первой странице: "Заявление короля **Морокко**. **Морокканский** король... заявил..." В России 10-летние школьники знают, что полагается писать **Марокко**. Но это еще что!

В статье о Румынии, Чаушеску превращен в Сеаузеску (!). А уж что вместо Каролина (название североамериканского штата) пишут Каролайна, — это у американизированных бывших наших соотечественников считается за правило.

В очерке "Не забудь Аламо", С. Рождественский, захлебываясь от восторга, описывает как США отняли у Мексики Техас (который уродливо и невежественно именуется Тексас), — акт военной агрессии сильного государства над слабым, не имеющий и не заслуживающий никакого морального оправдания.

П. Пагануши, сравнивая русско-японскую и позднейшую американо-японскую войны, отмечает благородное отношение японцев к русским пленным и общий рыцарский дух, еще витавший над полями сражений в 1905 г. И делает следующий вывод: "Японцы — большие патриоты, храбры и, очевидно, ценят эти качества у своих врагов".

"Новый Сатирик" № 6. Издающийся в Сан-Франциско "иллюстрированный журнал сатиры, юмора и серьезной мысли" содержит, увы, мало забавного: при всей готовности, — не находишь повода рассмеяться; ни даже — улыбнуться. Юмор тут вымученный и все время соскальзывающий на вовсе невеселые темы: старость, болезни... Рассказ Чехова "Беззаконие" — куда ни шло; хотя и не из лучших у него. Да еще можно упомянуть святочный рассказ В. Анта "Партия с привидением", не смешной, но по крайней мере оригинальный (об игре в шахматы с призракoм).

"Наши Вести" № 400. Редакционная передовица, подытоживая судьбы эмиграции, чересчур резко проводит географическое деление на "левый" Париж и "правый" Белград: там и тут были левые и правые. В Париже, кроме "Последних Новостей", издавалось и "Возрождение". Разница была не абсолютная, а количественная. И все же подобает восхищаться стойкостью русских беженцев в Югославии в деле сохранения традиционных воззрений старой России. Создание там в дальнейшем Русского Корпуса явилось продолжением той же линии. Поэтому мы бы были рады присоединиться к поздравлениям журналу по случаю 40-летнего его юбилея. К несчастью, удовольствие нам испорчено публикацией в данном номере длинной программой статьи О. Полякова "Стратегическая мощь русской эмиграции". Мощь эту автор сводит более или менее к нулю, наставляя нас прекратить всякую антибольшевистскую активность, ибо: "Деятельность подпольной организации, особенно управляемой из эмиграции, является навязыванием народу определенных решений без его апробации... Эмиграции необходимо расстаться с мыслью, что она может быть руководителем антисоветской

борьбы..." И верно: КПСС тогда сможет спать спокойно. А как вспомнишь, как бывало мы в Советской России мечтали о контактах с Зарубежьем, об организованной борьбе с режимом! Удивительно, впрочем, не то, что печатаются пренебрежительные отзывы об эмиграции (со странным мазохизмом, эмиграция вообще любит, чтобы ее предавали бичеванию), а самый факт проникновения в журнал г-на Полякова. Завладев "Вечем", он вполне открыто восхваляет там октябрьскую революцию, принесшую якобы неисчислимые блага народу, и требует расчленения России путем откола от нее Средней Азии и вообще заселенных мусульманами районов; прибрав потом к рукам и "Русскую Жизнь", он там прозрачно намекает на возможность и желательность контактов между эмиграцией и КГБ. Стоило бороться полвека с коммунизмом, чтобы теперь подобную программу принять! Грустно за "Наши Вести". Боимся, что скоро это будут уже не "Наши", а "Их Вести"... И что только за безумие охватило вдруг правый сектор эмиграции, сжигающий сегодня все, чему поклонялся вчера, и кланяющийся тому, с чем прежде воевал...

"Русская Мысль". В эссе под требовательным заглавием "Напоминаем об Адамовиче" (с портретиком!), Ю. Иваск возвеличивает этот свой кумир, со смаком останавливаясь на его успешной расправе с Цветаевой. Увы! у той имелся только талант (правда, выдающийся); все же житейские преимущества находились в руках могущественного и безжалостного (хотя и бесталанного) ее противника. Выделим одну фразу: "Естественно, что Гете не оценил Гельдерлина, а Пушкин — Баратынского, хотя и поместил в "Современнике" его стихи, присланные из Германии". Тут что-то не клеится. Пушкин высоко ставил Баратынского, с которым был близко знаком, и горячо хвалил его в печати. Да Баратынский никогда и не жил в Германии. По всей очевидности, автор спутал Баратынского с Тютчевым.

В статье Г. Владимова "К суду над Феликсом Световым" режет глаз подчеркивание, что тот и его жена "немолодые, несомненно здоровые люди" и приписывание Светову крайней наивности. Светов — талантливый писатель и мужественный человек; да те же слова можно отнести и к его жене, Зое Крахмальниковой. Вот это бы и хотелось о них слышать из уст их, видимо, друга Владимова.

Большая статья В. Аксенова о новейших в США сильно теряет от усвоенного автором иронического тона. "Русский патриотизм еврейских эмигрантов из Советского Союза" и их вполне реальная тоска по родине совсем не смешны, даже когда принимают бытовое и гастрономическое оформление или проявляются в любви к русским (и, в частности,

подсоветским) песням.

В статье "Новоречь как порождение тоталитаризма", французская славистка Ф. Том выражает ряд вполне трезвых мыслей. Но трудно согласиться со следующим ее мнением: "И, наконец, власть "советского языка" объясняет, почему советский человек, даже став диссидентом или эмигрантом, продолжает рассуждать больше в оценочных категориях, чем в категориях смысла. Он сочтет себя сбросившим пути идеологии, когда перевернет ценностную шкалу марксизма-ленинизма, когда вместо: "Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо", будет говорить: "Две ноги — хорошо, четыре ноги — плохо". Так "идеалист" становится положительной кличкой, а "материалист", "атеист" — крайне отрицательными".

Что же тут худого? Действительно, человеку надлежит иметь 2, а не 4 ноги! И когда люди из лагеря лжи переходят в лагерь правды, их нужно поддержать; а слишком к ним придирается не подобает. Зря Том употребляет в данной связи стершееся, графариное слово *манихейство*. Умение и желание различать между добром и злом присуще христианам, да хотя бы и неверующим, сохраняющим моральные устои. А релятивизм безбожной или агностической западной левой интеллигенции, которая и пустила в ход данное словечко, он как раз нисколько не заслуживает одобрения и ни к чему положительному не ведет.

"Панорама". Курьезно видеть объявления вроде: "Парад, посвященный дню ветеранов... Главным организатором всего празднования является Veterans С.А.Р.Е., — это общенациональная организация гомосексуалистов и лесбиянок, отделения которой существуют в 24 штатах США"... Эйds их побери! Такого, слава Всевышнему, в Европе мы еще не читывали.

Удручающее впечатление производит североамериканский акцент газеты; например, сообщения о концертах Сариты Монтель и Роберто Амарала. Испанцы так не произносят. Надлежит говорить и писать Монтель и Амараль. П. Вайль и А. Генис упорно именуют Саттером швейцарца И. Зуттера, на чьей земле было впервые в Калифорнии обнаружено золото, что привело его к разорению (трагическая история его рассказана С. Цвейгом).

Из хроники Г. Рыскина не без удивления узнаем о бушующих за океаном черном антисемитизме и еврейской негрофобии; причем в этой войне стороны доходят до крайностей! Сам Рыскин предлагает ввести для безработных негров принудительный труд, что смахивает на эсэсэровские нравы.

М. Лемхин подробно описывает чекистскую пропаганду в среде новейшей эмиграции. В. Козловский длинно, но вяло разбирает

творчество Евтушенко, все время отвлекаясь в сторону. Новое и сенсационное для него, нам всем давным давно известно; к примеру, что НТС противники солидаристов расшифровывают как: "Несем тиранам смену!" В Белоцерковский рассказывает, что опубликовал в вашингтонском еженедельнике "Нейшен" статью "Солженицын — 5-я колонна советской пропаганды", за что его и уволили с американского радио. Одобрим, в данном случае, действия администрации радиостанции "Свобода". Хотя впрочем, в журнале "Стрелец" № 12 Ю. Фельштинский дает иную версию происшествия. Согласимся также с С. Мирковичем, который здесь же ставит по поводу литературной активности Белоцерковского вопрос: "Словоблудие ли это или намерение одурачить неподготовленного читателя?"

П. Вайль и А. Генис анализируют распрю в рамках русского Зарубежья между богемой и истеблишментом, к сожалению, не уточняя ясно ни то, ни другое понятие: "На практике размежевание между богемой и элитой" — комментируют они, — "не требует никаких психологических тонкостей или социального анализа. Роль безошибочного индикатора играет мат. Девиз журнала "Мулета": "Сделаем ненормативную лексику нормативной". А истеблишмент в основе своей печатногомата не приемлет." Мы тут целиком на стороне истеблишмента!

Нельзя отказать причудливой паре работающих всегда вдвоем журналистов в остроумии (коего, увы, так остро не хватает "Новому Сатирикону"!)). Вот отрывок из их отдела "Русская кухня в изгнании": "Одни обедают с вином, другие с друзьями, одни пользуются палочками, другие случаем, одни едят за столом, другие задаром". В целом, однако, от их продукции отдает пошлостью, и не зря их читатель Б. Бондурянский советует им письмом в редакцию не вайлять дурака. Любопытны и комментарии другого — безымянного — читателя, в стихах, по поводу изображаемого ими Брайтон Бича:

Не Бабель нужен, а Деникин.

Ну, в крайнем случае, Махно.

Nota Bene. Коллективная авторская двоица информирует нас, что критики обычно их именуют Хайль и Пенис. Но мы уж лучше не будем.

Несколько разочаровывает нас Б. Парамонов. Комментируя литературу, он не без сочувствия отмечает, что С. Могэм был гомосексуалистом, а в области кино высказывает довольно сомнительные суждения о Буньюэле (которого упорно называет Буньюэль!). В фильме "Виридиана" постановщик, возможно, и хотел выразить атеистическую идею. Но получилось одно элементарное заключение: добро надо делать с толком! Экзальтированная девушка, получив внезапно

наследство, устраивает приют для нищих и бродяг; а те, не будучи контролируемы, предадут дом разграблению, и даже пытаются изнасиловать свою неосторожную благодетельницу. Ее спасает ее кузен, циничный, плутоватый, но лучше нее понимающий жизнь. Ну и что же? Спроси Виридиана совета у Церкви, — ее бы научили умнее обращаться со сбившимися с пути, испорченными нуждой людьми, которых она невольно вовлекла в соблазн.

Д. Мечик под заглавием "Закулисные курьезы" рассказывает любопытные анекдоты; в частности, о своей встрече с дочерью Есенина.

"Часовой" № 658. По случаю 10-летней годовщины смерти генерала Франко, В. Орехов пишет: "Вспоминаю с благодарностью и сейчас с печалью об его кончине, мои две аудиенции по его приглашению, показавшие его глубокое понимание трагедии России и, наконец, его благородное отношение к нашим офицерам, сражавшимся против общего врага на испанской земле".

Обозревая положение в СССР, С. Багдаш констатирует: "Власть продолжает бросать в тюрьмы и лагеря неугодных, и среди них лучшие творческие силы. Достаточно вспомнить о писателе Л. Бородине или о молодой поэтессе И. Ратушинской. Удары обрушиваются не только на русских, но и на народы малые, населяющие Россию... Сидят армяне, грузины, латыши и эстонцы...". Присоединимся к призыву в конце заметки: "Помянем всех тех, кто погиб и продолжает гибнуть от коммунистического террора!"

Иные чувства вызывает статья Н. Нефедова (который как раз ожесточенно полемизирует с Багдашем), "Будем называть вещи своими именами", составленная со свойственными автору озлобленностью и нечеткостью в суждениях. Кого подразумевать под 3-ей волной? Всех, выехавших в последние годы (так мы и понимаем), или только евреев (как понимает Нефедов)? Он произвольно исключает из нее Солженицына, Федосеева и Панина, включает Максимова, Некрасова, Синявского и Буковского, и с вызовом спрашивает: кто еще? Назвать можно много имен, известных в печати, но... Безусловно, это русские люди и русские патриоты. Однако, с расистской точки зрения, — а вдруг у кого из них была еврейская бабушка или прабабушка? Нефедову ведь это главное. Нам-то эдакий подход чужд совсем: если какой-либо еврей нам близок по настроениям, а иной русский вовсе далек, — что нам до их происхождения? Нам важны антикоммунистические взгляды. И зачем вносить раскол не по линии убеждений (где различия неизбежны), а по таковой крови или времени выезда? Зря "Часовой" скатывается на подобные позиции! Редакция дает приме-

чание: "Эта статья не может быть названа антисемитской". К сожалению, может и должна; и даже — в самом дурном смысле.

В весьма симпатичном тоне выдержаны воспоминания П. Бартоша о поездке в Ленинград. Автор указывает, что он иностранец (хотя и свободно говорящий по-русски) и католик. Но в его голосе слышно глубокое сочувствие к русским людям. "Их лица усталы, безрадостны. Видимо, половину своей жизни они проводят в очередях" — отмечает он, и с ужасом восклицает: "О такой ли жизни для народа мечтали "народники" и все другие "благодетели русского народа"? Бедная Россия? Несчастный русский народ!"

"Est et Ouest" N 23. Редакционная статья французского антикоммунистического журнала, "Опасность коммунизма попрежнему налицо", начинается словами: "Французская компартия ослаблена. В значительной степени. Материально, морально и политически". Далее же в ней убедительно показано, что она партия возлагает все свои надежды на помощь из СССР.

Интересна также заметка о Кубе, в отделе информации. Разбирая свидетельства бывших узников, автор резюмирует: "Мы читаем теперь о Кубе те же самые показания о репрессиях и заключениях, что и об СССР. Такая же скверная и скудная пища... такая же работа... такие же лагеря... такие же казни после комедии суда, такие же психиатрические процедуры; а на свободе такое же разделение на социальные классы, такие же черная биржа и недостаток продуктов, такие же преследования различных меньшинств, такое же всеобщее порабощение".

Как это не похоже на радужные картины, рисуемые "Страной и миром" на основании рассказней легковых или лицемерных туристов!

"СССР Внутренние Противоречия". Р. Орлова пытается подмарать память В. Пановой, которая де слишком легко согласилась переделывать, под нашим свыше, свое предисловие к книге П. Сэлинджера "Над пропастью во ржи". У Пановой, мужа которой арестовали и замучили большевики и которая чувствовала свое положение непрочным, имелись веские причины для уступчивости по второстепенному вопросу. Тогда как сама Орлова грешила не то, что компромиссами, а прямым угодничеством перед режимом. К лицу ли ей корить других?!

"Поиски" № 5—6. Мы сперва колебались, входит ли свободный московский журнал в нашу компетенцию. Но сотрудница "Поисков" Р. Лерт, ныне уже покойная, разрешила наши сомнения, удостоверяя, что это орган "не антисоветский и не антикоммунистический". А с органами, желающими сотрудничать с Советами и вести с ними мирные дис-

куссии (на которые те-то, впрочем, не всегда и согласны...) мы иметь дела не намерены. Что до Лерт лично, большевички с 50-летним стажем, она с горькой обидой жалуется, что у нее, в 73 года, в первый раз в жизни произвели обыск. Сочувствуем; но, может быть, и не так уж плохо, что она все же испытала на себе страдания миллионов людей, причиняемые им тою властью и тою партией, которым она столь верно и столь долго служила.

"Родник" 1985. Издающийся в США изящно оформленный альманах (видимо, более половины участвующих в нем авторов, — в то же время и художники!) содержит ряд весьма серьезных и не лишенных ценности литературоведческих очерков. В. Раевский, исследуя вопрос об анонимных письмах Пушкину, приходит к решительному заключению, что их сочинителем являлся князь П. Долгоруков. Он же дает сжатый, но обстоятельный очерк о В. Дале, датчанине по отцу и французе по матери, который русским патриотизмом и знанием русского языка составлял пример для нас всех. В. Викторов подбирает любопытные воспоминания современников о Л. Толстом. Т. Барани рассказывает о жизни и творчестве А. Скрябина.

"Континент" № 46. На первое место по качеству поставим превосходный этюд Н. Коржавина о Блоке, вернее о демонизме Блока; тема, которой он касается не в первый раз, и блестяще. Отрывок из романа В. Максимова "Звезда адмирала", о Колчаке, удачнее его последних произведений, хотя и не достигает уровня более ранних. Странное дело! Когда он пишет о белых героях или выражает русский патриотизм, его талант вспыхивает; когда же он предается демагогии о небывалых генералах-вешателях или пускается в газетную полемику, то впадает в серый трафарет. Из эссе Р. Берг "Политэкономия социализма", выпишем следующий кусочек: "От многих людей в США я слышу, что вот произойдет в США социалистическая революция и американский социализм будет истинный, а общество будет построено на разумных началах. И я вижу этих людей стоящими в очереди за картошкой на колхозном рынке, где продаются излишки того, что ручным трудом добыто на приусадебных участках... Социализм России — настоящий, единственно возможный, и никакого другого социализма в природе нет, не было и не будет".

Т. Мянвич описывает выступление Л. Копелева на симпозиуме по защите прав человека в Берлине: "Антикоммунизм — величайшее безумие XX века" — цитирует Лев Копелев Томаса Манна (я хотел спросить, что же такое тогда коммунизм, но уже не было возможности). И еще, под конец: у нас теперь новое правительство (имеется в виду новый генсек — Горбачев), надо подождать, какие это при-

несет перемены. Ну что ж, подождем..." И Мянвич справедливо подытоживает: "Лев Копелев занимается в Германии анти-антикоммунистической пропагандой". Нельзя не согласиться с пессимистическим заключением польского диссидента: "Когда живешь на Западе, трудно не поддаться впечатлению, что здесь вымирает способность распознать и назвать врагов свободы, ибо, судите сами, — антикоммунизм — мишень советской пропаганды, западных интеллектуалов и части эмигрантов с Востока". Комментируя статью, Н. Горбаневская дельно констатирует: "Прогрессивные интеллектуалы... хотя слышат совершенно определенные вещи — потому они и слушают тех, кто им это говорит". И она добавляет: "Печальнее, когда люди, явно не страдающие (или давно отстрадавшие) левизной, считают нужным во что бы то ни стало угодить потенциальным левым союзникам. Эмигранты это делают из побуждений либо попросту низких, либо предаваясь иллюзиям по поводу поиска союзников, — то есть "для пользы дела".

Флирт журнала налево, похоже, не состоялся, разбившись о подводные утесы. Прочитав, из отдела "Наша почта", письмо Р. Левинсона: "В свое время... редакция Вашего журнала бросила упрек выдающемуся публицисту Д. Штурман в "удручающе однозначном" восприятии периода коллективизации в интерпретации А. Зиновьева в статье "Нашей юности полет". Тогда уже было очевидно, что немного читателей согласятся с тенденциозным анализом А. Зиновьева и много больше согласятся с мнением Д. Штурман". Отвечая, редакция делает кучу комплиментов по адресу и Р. Левинсона и Д. Штурман, но возражает, что, в отношении коллективизации: "Нам не следует забывать, что многие из ее современных критиков сами участвовали в ней или являются детьми этих участников". Что ж, казалось бы: тем, кто раскаялся, надо простить, а прошлое их и их отцов — осудить. Нам-то каяться не в чем: мы, основной актив "Голоса Зарубежья", в таких пакостях не участвовали, а жертвам сочувствовали, да и разделяли отчасти их судьбу.

Обмен мнениями между Р. Пайпсом и редакцией носит слегка желчный характер. Он ее обвиняет в неосведомленности в знании истории. Она ему отвечает, что "35-летний опыт научной и публицистической работы еще не гарантирует ученого от предвзятости и заблуждений". И добавляет, по поводу проводимой Пайпсом параллели между царской Россией и Советским Союзом: "В эпоху, когда речь идет уже о судьбе демократической цивилизации вообще, подобного рода параллель становится поистине смертельно опасной, ибо вольно или невольно помогает советской

дезинформации обманывать Запад, представляя коммунистическую агрессию, поставившую перед собой целью завоевание мирового господства, всего лишь одной из форм борьбы за сферы влияния в современном мире или традиционной империалистической экспансии”.

В чрезвычайно противном письме в редакцию, Л. Плющ утверждает: ”Проблема Сомосы, Пиночета, шаха иранского и т. д. — одна из важнейших проблем современной истории. Конечно же, режимы, их сменяющие, существенно хуже”. Зачем же делать перевороты, чтобы заменить хотя бы даже и плохой строй ”существенно худшим”?! Редакция ”Континента” совершенно права, заявляя, по поводу антирусской надписи на воздвигнутом в Израиле памятнике ”украинским жертвам нацистов и русских”: ”Отношение ”Континента” к более чем омерзительному содержанию этой надписи остается неизменным”.

Наиболее агрессивно атакует ”Континент” безысвестный Ш. Маркиш, прямо заявляя, что В. Максимов его оболгал, и что он не надеется того образумить. Отвечая ему с чрезвычайно вежливостью и деликатностью (у него редкими!), Максимов констатирует: ”Вы попросту не устояли от соблазна ”цветы поставить в изголовье их северной страны”. Жаль. Это, поверьте, не делает Вам чести”. Задав ему предварительно вопрос: ”Уверены ли Вы, дорогой господин Маркиш, что Василий Гроссман... оправдал бы эту сквозящую в Вашей работе неприязнь к русским, которую Вы себе позволяете обнаружить только потому, что это легко, дозволено, безнаказанно?”

”Страна и мир” №№ 11 и 12. Оба номера на редкость бледны и бесцветны. Ни одного известного имени, ни одной талантливой статьи. Глазу не на чем остановиться... Перепечатано старое эссе Ф. Мориака ”Анна Ахматова в сердце моем...” Стыдно читать сии прочувственные крокодиловы слезы, как вспомнишь, что Мориак долгие годы верно состоял в просоветском обществе ”France — URSS”. Р. Шеттак, в очерке ”Из огня да в полымя” описывает Международный Конгресс Писателей в защиту культуры в Париже в 1935 г., ловко оркестрированный коммунистами, справедливо характеризуя оный как ”тщательно подготовленный спектакль”. М. Дейч, в статье ”Беспамятство”, лишний раз пытается затемнить картину сталинских времен: ”Чьими же руками все это делалось? Долго искать не приходится: нашими”. Нет уж, извините! Было 2 стана: палачей и жертв. Мы были во втором; был ли Дейч в первом, или клеплет на себя для красного словца, — судить не нам.

”Заря” № 8. Если журнал и подавал некоторые надежды, они не оправдались. Боль-

шую часть номера занимает галиматийное интервью с лидером казачьих самостийников В. Глазковым. При богатом воображении можно себе представить независимую Грузию или Армению; но уж независимая Казакция целиком принадлежит к области бреда. Очерк о В. Гюго — на уровне и в стиле советской провинциальной газеты. Не перепечатка ли?

”Кадетская Перекличка” № 39 заполнена историческими очерками. В. Матасов дельно рассказывает о начале Белого движения; Б. Павлов — об участии иностранцев в революции и гражданской войне. Он верно показывает, что поступление германских, австрийских и прочих военнопленных в красную армию диктовалось материальными соображениями и их часто безвыходным положением. Любопытно и его упоминание о наличии иностранцев, вплоть до целых частей, также и у белых. В. Улитин возвращает нас к жуткой трагедии в Лиенце. В. Бодиско разбирает изданный в СССР роман И. Дорбы ”Белые тени”, с действием на фоне русского кадетского корпуса в Югославии. В. Пагануцци показывает мастерство и компетентность С. Витте при заключении мирного договора с Японией в Портсмуте. С. Третьяков пытается уточнить понятия **цивилизация** и **культура** и констатирует примат в наши дни материальных ценностей над духовными, особенно в Соединенных Штатах. Берясь за ответственную тему ”Царские офицеры и русская культура”, М. Залесский демонстрирует серьезные пробелы в своем образовании. По-латыни нет слова office — ”управление”, а есть officium — ”работа”, ”задача”; роман же П. Муратова называется не ”Энергия”, а ”Эгерия”.

”Стрелец” № 12. Привлекает внимание открытое письмо Ю. Фельштинского с такой характеристикой: ”В. Белоцерковский, социалист по убеждениям, завалил многочисленные редакции эмигрантских газет и журналов своими сомнительными, а часто откровенно клеветническими статьями. И именно в недобросовестности Белоцерковского разгадка того ”странного факта”, что даже наша плюралистическая (отражающая все спектры политического мировоззрения) эмигрантская пресса отказывается теперь уже Белоцерковского печатать вообще”.

А. Радашкевич посвящает творчеству подсоветского поэта Б. Кенжеева серьезную и умную статью, приводя подбор цитат из его стихотворений, — видимо, превосходных.

В отрывках из романа, Д. Савицкий преподносит нам старательно выписанную и потому вдвойне смрадную похабу на фоне придуманного Парижа с американским акцентом.

”Калифорнийский Вестник” №№ 60 и 61. К числу самого интересного принадлежат в журнале вполне серьезные и дельные очерки с

широким кругом тем: В. Тургаева о Чехове, Т. Черон об Есенине, Т. Масловой о Глинке, Е. Олениной о С. Рагузинском, А. Шохина о Борисе Годунове, и ряд других.

"Вече" № 20. Номер незначителен и неосуществим. Самая культурная из сотрудников — В. Вулич; но сколько у нее воды, в прозе и в стихах! Умный редактор вычеркнул бы половину, — и сделал бы ей услугу. Нас по-прежнему душат материалами И. Ильина. Статья О. Полякова вскрывает, может быть, большие комплексы, управляющие его творчеством (допуская его искренность; а это — ох как трудно!). Столкнувшись, с позиций крайнего русского национализма, с засилием недобросовестных нацменов на американском радио, он обиделся, и решил, что наоборот: не те отделились от России, а Россия их всех от себя отделила. Несчастная Россия! Ей ведь не легче от того, из каких соображений ее рвут на куски... Н. Нефедов рассказывает о расстреле Колчака, опираясь на воспоминания И. Бурсака, советского палача, распоряжа-

вшегося казнью. Из эссе Ю. Ветохина о непримиримости к коммунизму выпишем разумные слова: "Мы заявляем, что теория и практика коммунизма плохи на 100%, и наши стремления всегда будут направлены на то, чтобы искоренить коммунизм". К сожалению, рядом — много наивного. Автор думает, будто **большевика** можно распознать по употреблению слов **кушаю**, вместо "ем", и **крайний**, вместо "последний". Это — просто язык подсоветского обывателя, часто в душе ненавидящего власть; а коммунист может быть вполне грамотным и иметь внешне хорошие манеры (тем он тогда опаснее). Одна у Ветохина мысль заслуживает внимания: о возможности и пользе для русских антикоммунистов дружеских контактов с народами Азии, Африки и Латинской Америки. О. Красовский продолжает нудно и шумно спорить с Г. Владимовым на тему о том, кто финансирует "Вече". А правильнее было бы поставить вопрос так: кому выгодно существование "Веча"?

Г. АЛЕКСЕНКО

"ОСНОВЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА"

(Москва, "Высшая Школа", 1978)

Голословность атеистических утверждений

Как мы видели (Г. З. №40), "научный" атеизм опирается не на объяснения и доказательства, а на голословные утверждения. Например: "...мир развивается по своим собственным законам и существует сам по себе"... "все совершается естественным путем"... "доводы научного атеизма неопровержимы"....

Согласно марксистской логике, — законы есть, а Законодателя нет. Никаких доказательств авторы и не думают приводить. За каждым бездоказательным утверждением "научного" марксизма, за каждым "неопровержимым доводом" ясно видна примитивная ложь, подкрепленная совершенно исключительным нахальством.

На стр. 79-ой говорится о том, что естествоиспытатели своими открытиями доказывают наличие закономерностей (конечно, "объективных"). Однако нам так и не объясняют, каким образом наличие закономерностей якобы доказывает отсутствие Законодателя, тогда как великие ученые (Ньютон,

Планк, Эйнштейн, Ломоносов, Пирогов, Бергсон...) настаивают на том, что законы без Законодателя не возникают.

В главе 8-ой, под заголовком "противоположность научного и религиозного мировоззрений", читаем: "Закономерный характер развития природы и общества с религиозной точки зрения является одним из основных доказательств существования Бога. На самом же деле все в мире совершается естественным путем: одни явления (причина) порождают другие (следствие) и так без конца. Например, Земля и другие планеты обращаются вокруг Солнца по строго определенным орбитам, а это, в свою очередь, приводит к регулярной смене времен года... Вода при нормальном давлении и при температуре 0 °C превращается в лед — таков закон природы. Но при изменении условий, скажем, при температуре +20, она уже не может замерзнуть — и это тоже закономерно" (стр. 72).

Таковы "научные объяснения", должны убеждать нас в том, что гениальные законы, организующие природу, никем не созданы, что строго определенные орбиты никем не рассчитаны.... Очевидно, авторы находят, что самое главное для нас — это

запомнить такие явления, как смена времен года, замерзание воды и т. п. Как будто мы этого до сих пор не знали и как будто вода сама для себя придумала подходящую температуру для замерзания, а Земля сама высчитала, как ей крутиться вокруг Солнца миллиарды лет. Проф. Харахоркин (автор 8-ой главы) говорит о законах, организующих природу, но о возникновении этих законов он предусмотрительно умалчивает. А ведь прежде чем отрицать присутствие Творческого Гения, создавшего законы (т. е. мысли), надо было бы объяснить, как и почему возникают мысли, создающие точно рассчитанный план мироздания, план, существующий миллиарды лет, отрицать который невозможно.

Хорошо, все ж таки, что "научные" атеисты признают наличие законов, организующих природу. Признание законов — это уже не материализм, ибо законы суть ценности, которые из материи не состоят. В этом противоречие материализма, доводящее материалистов до полного абсурда. Когда, например, "научные" атеисты объясняют, каким образом наличие строго определенных орбит доказывает отсутствие Законодателя и Творца?!

Если вы об этом спросите представителей "конструктивных сил правящего слоя", то вам, в лучшем случае, скажут, что такого рода вопросы относятся к категории "нерешенных проблем" (стр. 72), а пока что надо-де верить в атеизм, как к тому призывал покойный генсек Л. И. Брежнев (Комс. Пр., 4/3/81), и что "партийная наука" со временем все выяснит и докажет.

На стр. 85-й тот же проф. Харахоркин сообщает, что души нет, а через три строчки после этого заявляет, что "мозг есть орган души". Таков еще один пример логичности профессоров-марксистов. Стесняться им нечего: попробуйте возразить!

В другом атеистическом произведении сказано, что "источником закономерностей в природе является сама материя" ("Настольная книга атеиста", М. 1975, ст. 401). Такой недобросовестный ответ равносителен заявлению, что, например, "источником мыслей, создавших паровоз, является сам паровоз. Никто его не придумал. Паровоз возник сам по себе и движется по своим собственным законам естественным путем". Иначе говоря, атеист обязан верить в наличие следствий без причин. Это не научные данные, а бестолковый приказ, которому надо повиноваться, затвердить его наизусть и верить в его неопровержимость или, по крайней мере, делать вид, что верите. Ведь недаром же атеизм назван "партийной наукой" (стр. 8).

Однако, прежде чем отрицать наличие Творческого Гения, создавшего законы, т. е. мысли, надо было бы объяснить, как эти

мысли могут возникать и порождать законы эволюции, создавая ясно видный в природе вечный порядок. Претендующие на научность атеисты даже и не пробуют объяснить, как бездушная материя изобретает гениальные законы "естественным путем". Они так и не скажут, каков же, наконец, этот самый естественный путь, десятки раз ими упоминаемый? Почему нельзя его описать, если он и впрямь им так хорошо знаком? Почему они обходят этот вопрос целомудренным молчанием? Уж не потому ли, что единственный в действительности естественный путь развития природы ясно указывает на наличие безупречно рассчитанных законов, а следовательно и на присутствие Законодателя и Творца? Ответ на этот вопрос мы найдем, ознакомившись с сущностью главного "научного" оружия марксизма-ленинизма.

Главное оружие

На свойственном ему ломаном русском языке Ленин называл религию "мракобесничеством"*, — см. стр. 115. Однако требование пропаганды "научного" атеизма в первую программу партии не вошло, потому что: "Такое требование закрыло бы дорогу тем рабочим, которые... еще не освободились от религиозных предрассудков и не вышли из-под влияния церкви" (там же)... "Вот почему, — разъяснял В. И. Ленин, — мы не заявляем и не должны заявлять в нашей программе о нашем атеизме; вот почему мы не запрещаем и не должны запрещать пролетариям, сохранившим те или иные остатки старых предрассудков, сближение с нашей партией" (там же).

Как видим, авторы "Основ научного атеизма", не стесняясь, описывают, как постоянно богохульствовавший Ленин и прочие партийные главари с нескрываемым бесстыдством, нагло и подло обманывали народ.

Ложь — главное оружие "научных" атеизма, коммунизма, ленинизма и т. п.

Достоверность "научной" информации

На стр. 54 и 91 читаем о "социалистическом обществе, ставшем обществом сплошной грамотности", и о том, что в СССР "неграмотность навсегда уничтожена". На стр. 125 нам сообщают, что свыше 90% верующих в СССР либо неграмотны, либо имеют начальное и лишь немногие семи-восьмиклассное образование" и что "верующими являются 20 — 30% взрослого населения СССР". Согла-

* По-русски говорят **мракобесие** (см. орфографический словарь, М. 1958).

сно этим статистическим данным, нетрудно подсчитать, что в СССР миллионы неграмотных людей. Таким образом, разговоры об уничтожении неграмотности и о сплошной грамотности — опять наглая ложь. Ученики Ленина оказались достойными последователями своего учителя. Это, по-видимому, отнюдь не смущает авторов. Ведь в СССР возражать не полагается. "Конструктивной" номенклатуре предоставляется полная свобода лгать по потребности.

Свобода совести

Авторы на разные лады солидно заявляют о свободе совести в СССР. Например: "Нормой отношения к религии и церкви Советского государства является принцип свободы совести, гарантированный социалистическим государством..." (стр. 108), "...принадлежность человека к той или иной религиозной организации не влечет за собой ни льгот, ни ущемлений со стороны государственной власти" (стр. 109), "...свобода совести не только провозглашена нашим государством, но и законодательно гарантирована" (стр. 111), "...только несведущие люди или злостные клеветники могут утверждать, будто в Советском Союзе как-то ущемлены права верующих..." (стр. 113).

Цинизм марксистско-ленинских псевдоученых не знает границ. Это наглядно подтверждают следующие сведения о проведении в жизнь принципа "свободы совести, который не влечет за собой ни льгот, ни ущемлений".

В СССР запрещены: баптисты-инициативники, адвентисты-реформисты, иеговисты, пятидесятники и группы, пропагандирующие религиозную идеологию, призывающую к отказу от службы в армии (см. стр. 40—42; 110; 112). Запрещается "оказывать материальную помощь верующим и заниматься другими видами благотворительности; создавать разного рода кружки (литературные, библиотечные, рукодельческие и т. п.); открывать библиотеки и читальни, устраивать экскурсии; организовано обучать религии детей и подростков..." (стр. 112)... "Запрещается пропагандировать религиозную идеологию за пределами культовых зданий" (там же).

Таковы примеры "отсутствия ущемлений". А теперь об "отсутствии льгот": "Гражданам с атеистическими убеждениями законом предоставлены возможности для пропаганды своих материалистических воззрений как в порядке личной инициативы, так и организованно. Такая пропаганда получила в нашей стране широкий размах и осуществляется с использованием различных средств массовой информации: печати, радио, телевидения, кино и т. д. Она охватывает все слои и возрастные

группы населения. Но особую заботу проявляет наше общество об атеистическом воспитании подрастающего поколения. Такое воспитание обеспечивается различными способами: учебные предметы, преподаваемые в школах, училищах, техникумах и вузах, насыщаются атеистическим содержанием..." (стр. 113), "Большим атеистическим зарядом обладает эстетическое воспитание дошкольников в детском саду..."

Проще говоря, возлагается надежда на то, что атеистическая "наука" успешно вколачивается детям дошкольного возраста. Вот почему тех, кто пытается проповедывать детям религию, надо, во имя "свободы совести" отправлять в ГУЛАГ. В конце 12-ой главы читаем, что те, кто "сколачивает" детей и подростков в разного рода кружки и группы по организованному обучению религии (как это пытаются делать, например, "инициативники"), привлекаются к административной и уголовной ответственности за нарушение советского законодательства. "Все эти действия — практическое осуществление конституционного права на свободу атеистической пропаганды, являющуюся неотъемлемой частью свободы совести" (стр. 114).

Итак, атеистическая пропаганда без помощи ГУЛАГ'а не обходится. Таково равенство прав на свободу совести в стране, где говорится о бесклассовом обществе, а исподволь намечается на наличие не только рабочих и крестьян, но и некоего загадочного "слоя", да еще и "интеллигенции" (конечно "прогрессивной", которая, кстати, получает продукты в закрытых распределителях (см. стр. 70 и 113).

Несмотря на жуликоватый стиль совпрофессоров, правда находит наружу: любому читателю ясно, что никакой свободы совести в СССР нет.

А надежда все ж таки есть!

На стр. 90-й читаем: "...вся история человечества есть закономерный, естественно-исторический процесс, в ходе которого один общественный строй с неизбежностью сменялся другим, более прогрессивным. На место старых социально-экономических отношений приходили новые, более совершенные".

Еще лучше это сказано в "Основах марксистской философии": "Не внешние силы, а собственные законы развития общественных формаций приводят к возникновению внутри данного общества сил, ведущих к его гибели, к превращению в противоположность" (стр. 217).

Итак, коммунистическое "общество", согласно его же теории, обречено на неизбежную гибель!

Туда ему и дорога!

ВНЕСЕННАЯ В АМЕРИКАНСКИЙ КОНГРЕСС РЕЗОЛЮЦИЯ № 494

Мы приводим полный текст "Заявления конгресса русских американцев", опубликованного в "Новом Русском Слове" от 16 апреля 1986 года:

"18 декабря 1985 года конгрессменом Кемпом совместно с конгрессменами Самуэлем Страттоном и Уильямом Блумфильдом, по просьбе Комитета Украинского конгресса в Америке, была внесена в палату представителей резолюция за № 494 (H. J. Res. 494), цель которой — одобрение установки памятника на федеральной земле Округа Колумбии или его окрестностей "в честь князя Володимира Великого, который как глава украинского государства в 10-м веке объединил земли и народы Украины, ввел на Украине христианство и трудился для достижения свободы и независимости украинского народа".

В связи с этой резолюцией Конгресс русских американцев предпринял соответствующие шаги: его председатель направил 7 февраля конгрессмену Кемпу письмо следующего содержания:

"Дорогой конгрессмен Кемп, от имени главного правления Конгресса русских американцев и всех американцев русского происхождения (свыше двух миллионов, согласно последней переписи), я приветствую Ваше предложение об установлении памятника в честь Святого Владимира, князя Киевской Руси. Святой и равноапостольный Киевский князь Владимир заслуживает памятника не в силу своего княжеского титула, а благодаря тому, что обратил славян-язычников в византийскую христианскую веру и положил начало распространению христианства среди всех восточных славян. Однако именование Святого Владимира (содержащееся в резолюции 494) главой украинского государства не только не соответствует историческим данным, но и ставит в ложное положение как инициаторов этого проекта, так и Конгресс Соединенных Штатов Америки. Достаточно указать на то, что Св. Владимир был внуком князя Рюрика, положившего начало роду рюриковичей, к которому принадлежали все московские князья и цари до воцарения в 1613 году рода Романовых. Святой Владимир был великим князем Киевской Руси, но никак не Украины, т.к. название "Украина" в то время не существовало. Привожу выдержку из "Энциклопедии Британники", том 22, 1971 г., стр. 471: "На территории, известной в 20-м веке под названием Украина, существовало в 9-м веке государственное образование под названием Русь, которое является

общим в истории русского и украинских народов". Таким образом, чтобы восстановить историческую правду и уберечь Конгресс Соединенных Штатов от подозрений в его исторической неосведомленности, я настоятельно рекомендую вам досконально ознакомиться с историей Киевской Руси, исторические справки о которой легко получить из трудов квалифицированных специалистов по истории того времени. При сем прилагаю краткий перечень некоторых исторических источников.

Искренне Ваш
Эдмунд В. Прибыткин,
председатель.

Копии:

У. С. Брумфильду
С. С. Страттону"

Помимо этого письма, конгрессмену Кемпу были направлены по нашей просьбе письма профессором истории А. В. Рязановским и князем Алексеем Щербатовым, потомком Святого Владимира, а также рядом компетентных представителей Конгресса русских американцев. Ожидаются еще другие письма и содействие со стороны писательницы Сусанны Масси. В связи с приближающимися торжествами по случаю 1000-летия Крещения Руси мы приветствуем любые начинания по увековечению этого великого и радостного события, предпринимаемые любыми церковными, светскими и этническими организациями, и готовы по мере наших сил и возможностей присоединиться к их труду. Но мы не можем потакать искажению исторических событий, особенно в таком важном вопросе не только для нас, православных, но и для всего человечества, т.к. Крещением Руси было заложено начало высокой духовной культуре, сказавшейся во всех областях искусства, плодами которой питался и будет питаться весь мир. Нам очень обидно, что преддверие великого торжества омрачено этой резолюцией и что ее инициаторы создали предпосылку для конфликтной ситуации, которой нам хотелось бы избежать. Поэтому мы просим всех воздержаться от излишней эмоциональности в связи с создавшимся положением, а Комитету украинского конгресса в Америке предлагаем внести в резолюцию необходимые изменения и не ставить Конгресс Соединенных Штатов в неловкое положение. С другой стороны, нам искренне хотелось бы во имя наших общих предков и ради будущего наших детей и внуков строить наши взаимоотношения на

непредвзятом подходе к историческим событиям. Пока же вопрос с содержанием резолюции 494 остается открытым, мы просим сведущих лиц направлять свои письма председателю комитета по административным вопросам Палаты представителей конгрессмену Франку Аннунцио по следующему адресу:

The Honorable Frank Annuzio,
Chairman of the Committee on

House Administration, The House of
Representatives

Washington, D.C. 20515,

а копии этих писем присылать в канцелярию Конгресса русских американцев.

В. Коссовский — по поручению главного правления Конгресса русских американцев.

Congress of Russian—Americans

P.O. Box 818, Nyack, N.Y. 10960”

Впервые русская общественность в Америке узнала о резолюции 494 из статьи А. Соллогуба в “Русской Жизни” от 28 марта, в которой он, критикуя ее, выразился об этом, как о “политическом шантаже”. Затем появилась статья Димитрия Левицкого “Не в ладах с русской историей” в “Новом Русском слове” от 2 апреля. Автор привел выдержки из книги кн. А. М. Волконского “Историческая правда и украинофильская пропаганда”, изданной в Турине в 1920 году. Левицкий пишет, что: “никто из конгрессменов, принимавших резолюцию, ее не читал. Этого от них, пожалуй, и нельзя ожидать, принимая во внимание условия, в которых протекает их напряженная политическая деятельность. Однако позволительно все же удивляться тому, что принимаются решения и выносятся резолюции, касающиеся истории неведомых конгрессменам заокеанских стран и народов без того, чтобы навести соответствующие справки в популярных американских энциклопедиях “Энциклопедия Британника”, “Энциклопедия Американа”). Отмечу, что эти справочные издания дают сведения в полном соответствии с тем, что было выше сказано о

Владимире Святом; он был князем Киевским, правителем государства, которое называлось РУСЬ или Киевская Русь”. Кроме того, Левицкий приводит выдержку из “Нового Русского Слова” от 1 августа 1953 года и вспоминает, что в те годы Комитет Украинского Конгресса возглавлял Лев Добрянский, влиятельный в американских политических кругах: “Пропаганда господ Добрянских представляет большую опасность. Она вредна для дела борьбы с большевизмом и она вредна для американского народа”, — так писал М. Вейнбаум.

Теперь добавим от себя. Резолюция № 494 должна быть рассмотрена и одобрена Комитетом по административным делам Палаты представителей, после чего она поступает на утверждение Конгресса. Последующие события могут быть: изменение текста резолюции в соответствии с историческими данными или же взятие ее назад. Были ли в прошлом когда-нибудь подобные возвращения резолюций, уже принятых этим Комитетом к обсуждению, — нам неизвестно. В одном нельзя не сомневаться: конгресс ни в коем случае не изъясит желания осрамить себя перед целым светом, утвердив ее в первоначальной редакции. Что касается нас, русских, где бы мы ни находились, мы безусловно выскажем свое полное согласие со всем тем, о чем писали профессор Э. Прибыткин, ныне покойный, и В. Коссовский в своих письмах конгрессмену Кемпу, и одобрим высказанные пожелания в адрес Комитета Украинского конгресса в Америке: “Во имя наших общих предков и ради будущего детей и внуков строить наши взаимоотношения на непредвзятом подходе к историческим событиям”.

Русский Американец.

P.S. В воскресенье 13 апреля скоропостижно скончался ЭДМУНД ВЛАДИМИРОВИЧ ПРИБЫТКИН. Похоронен на кладбище монастыря Ново-Дивеево 17 апреля. Письмо конгрессмену Кемпу было последним им подписанным. Мир праху раба Божия Эдмунда!

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Поздравляю Вас с десятилетием Вашего детища “Голоса Зарубежья”!

Право, Ваш журнал заслуживает внимания всех, кто стоит за непреклонное сопротивление, без компромиссов в сторону диктаторского режима у нас на родине.

Кроме последовательного антикоммунизма, важно христианское направление журнала; оно особенно ценно, ибо подлинное христианство никогда не может согласиться с нечеловеческими, вернее, противочеловеческими режимами.

Вас же лично считаю своим долгом поздравить с успехом Вашего журнала как дела Вашей энергии, настойчивости и, конечно, умения при загруженности в Вашей деятельности в университете.

Желаю Вам успехов, здоровья, успеха в Вашей работе и, не ставя сроков, подобно А. Федосееву, дожидаться дня, когда Ваш журнал перенесет свою редакцию в Россию.

А. Гравин,
США

Дорогая Вера Александровна, очень благодарю Вас за журнал № 40, всегда с интересом его читаю. Думаю, он один из лучших в Зарубежье! И горячо поздравляю Вас и Ваших сотрудников с десятилетием существования правдивого "Голоса Зарубежья".

В "Лествице" св. Иоанна Лествичника стоит: "Правда, что Бог во всем взирает на намерение наше, но в том, что соразмерно нашим силам, Он человеколюбиво требует от нас и деятельности".

Велик тот, кто не оставляет никакого доброго дела, силам его соразмерного, а еще более тот, кто со смирением покушается и на дела, превышающие его силы".

**Княгиня М. И. Романова,
Франция**

Глубокоуважаемая Вера Александровна, мои сотрудницы и я поздравляем Вас со Светлым праздником Христовым и шлем наилучшие пожелания.

Благодарим за журнал "Голос Зарубежья", который много лет приходит к нам, внося в нашу жизнь события всего мира.

Поздравляем с десятилетним юбилеем, да хранит Вас Господь на многие лета.

**В. М. Кочетова,
Чили**

Уважаемая г-жа Пирожкова!

В журнале "Часовой" за март-апрель с. г. № 659 напечатана статья Н. А. Нефедова: "Не по тому адресу", критикующая мое "Письмо в редакцию", помещенное в газете "Наша Страна" в № 1845. Я и Нефедов оба являемся сотрудниками "Н. С.", поэтому мне кажется более удобным просить Вас, как нейтральную, поместить мой ответ Нефедову в Вашем журнале "Голос Зарубежья". Надеюсь, Вы любезно согласитесь исполнить мою просьбу.

В своем письме в "Н. С." я советовала: "прекратить участвовавшие в последнее время обвинения в делании революции — евреев, латышей и других народностей России. Подготовили и сделали революцию все русские вкупе". Здесь я должна сказать, что фраза "все русские вкупе" не точная. Я имела в виду все российские народности, как это и видно потом из письма, а Нефедов предпочел трактовать ее как все (только) русские, славяне.

Отвечая на эту фразу, Нефедов пишет: "Действительно, в настоящее время русская пресса уделяет внимание интенсивному участию в революции евреев и красных латышских стрелков", а дальше... "русские органы печати напоминали, что евреи были главными ликвидаторами Российского государства и организаторами советской власти, из-за которой русские очутились в эмиграции".

В доказательство неправильности обвинения евреев как главных организаторов революции, я привела показания Федора Михайловича Достоевского, в политическом романе которого "Бесы", среди большого числа русских "бесов", почти из всех слов населения, упоминается только один, игравший незначительную роль, бесенок — еврей Лямшин. Но для Нефедова Достоевский, по-видимому, не авторитет и он об этом не упоминает.

А может быть, он Достоевского не читал?

Кроме того, все мы знаем, что идея разрушения русской монархии проповедовалась еще до появления большевиков многими русскими: декабристами, Кропоткиным, Бакуниным, Герценом, Чернышевским, Петрашевским, Нечаевым и другими "сеятелями разумного, доброго, вечного". Да и Солженицын в своем романе "Красное колесо — Октябрь Шестнадцатого", описывает большое число матерых "бесов", ставивших своей целью уничтожение монархии, т. е. русской государственности. Они старались, а плоды их трудов попали в распоряжение Ленина и его партии.

Далее Нефедов пишет: "Что-то не было слышно, что русские публицисты в "делании революции" обвиняли какие-то другие народы России. Никогда не упрекались в "делании революции" грузины, армяне, литовцы..." Конечно, русские публицисты, как и все честные люди, знают, что нельзя обвинять весь народ за деяния выдвинувшегося из его среды злодея. А вот Нефедов этому принципу не следует. Он подчеркивает, что в числе главных деятелей революции были чувашки — братья Ульяновы. Он никак не хочет признать Ленина русским, а ведь на самом деле Ленин был сыном потомственного русского дворянина. Был крещен православным, родной язык его был русский, вырос в культурной русской семье (отец его был инспектором гимназий в городе Симбирске), сам считал себя русским, а какая еще инородная кровь была примешана к его русской, разве имеет значение?

Мы все знаем, что были представители других народов, кроме русских и евреев, которые "в ликвидации Российского государства и организации советской власти" (скажем, в организации знаменитой "чрезвычайки") сделали больше, чем Зиновьев и Каменев. Нефедов совершенно напрасно, даже во вред делу, выдвигает евреев как "козлов отпущения". Это только вносит раздор и склоку в среду эмиграции.

В своей статье: "Не по тому адресу" Нефедов не сказал ничего нового или интересного. Его цифры давно были упомянуты другими и всем известны. Зачем он писал? Он даже не упомянул полностью обо всем моем письме. Вероятно, написал, чтобы вы-

лить свою злобу в печати.

Одно я нашла оригинальным: Ленина Нефедов выставляет как возможного защитника Государя от еврея Свердлова. Он пишет: "Свердлов, отдавая приказ убить Государя Николая Второго и Его Семью, и не подумал (?) спросить Ленина: расстрелять Царя и Его Семью немедленно или повременить? Возможно, Ленин с этим бы не согласился... Это, конечно, только предположение, но не потому ли Свердлов и не уведомил о своем решении Ленина?"

Возможно ли такое предположение в свете того, что мы знаем о Ленине?

**В. Богдан,
Бостон, 19 марта 1986 г.**

Уважаемая 2-жа Редактор, в Вашем журнале "Голос Зарубежья" № 39, полемизируя с редактором "Русского Самосознания" Н. Тетеневым, вы почему-то втянули в эту полемику и меня, хотя к ней я не имею никакого отношения, и пишете: "Но дальше выясняется нечто поразительное: оказывается, Николай Нефедов рассылает личные доверительные письма, написанные ему в бытность его нашим сотрудником, для печати и прессы, да еще такие!"

Какие это такие — Вы не объясняете. Но это сущая неправда. И я заявляю Вам прямо: никогда в какие бы то органы печати никаких "доверительных писем" я не посылал. Если же хотя бы одно такое совсем неизвестное мне "доверительное письмо" послал, то, пожалуйста, назовите орган печати, который такое письмо от меня получил. Но это Вы не можете, ибо это — фантазия.

Дальше Вы обрушиваетесь на меня с такими же фантастическими заявлениями: "Но и то; кто мог ожидать, что Н. Нефедов скатится к сотрудничеству в журнале, избравшем своим идейным вдохновителем Адольфа Гитлера?" Поскольку Вы ведете полемику с редактором "Русского Самосознания", то имеете, якобы, мое сотрудничество в этом журнале. И на эту фантазию заявляю Вам следующее:

1) Я не только не скатывался к сотрудничеству в "Р. С.", но даже не знал о его существовании. Только теперь из Вашей полемики я впервые прочитал о Н. Тетеневе. Кто он — не знаю.

2) В "Русском Самосознании" я не написал ни одной строчки. О каком же моем сотрудничестве в гитлеровском журнале, 2-жа Пирожкова, Вы распространяетесь? Из Вашего же журнала я узнал, что "Р. С." перепечатало из альманаха "Вече" мою статью "Политические шулера". Я запросил редакцию ВЕЧЕ: дало ли оно разрешение Н. Тетеневу перепечатать мою статью и получил ответ, что никто ВЕЧЕ не запрашивал о таком разрешении. Допу-

скаю, что в "Р. С." была напечатана и фальшивка.

3) Так как я никогда не читал ни одного номера "Р. С.", то не могу знать: является ли этот орган гитлеровским или просто — антисемитским, но я хорошо знаю, что русскоязычная пресса охотно оперирует Гитлером и навешивает дежурные фашистские ярлыки на русских эмигрантов, чтобы их опорочить, вторую эмиграцию особенно: "Немецкую форму носили... гитлеровцы, фашисты!"

В той же статье "Еще о свободе слова", пытаетесь меня опорочить, Вы пишете: "Понимает ли сам Николай Нефедов, что его действия лишены элементарной этики? (...) И принадлежность к первой волне не является, увы, гарантией того, что у человека есть этические понятия".

Мне бы очень хотелось узнать: какие-такие мои лишённые этики действия Вы имеете в виду? Те, которые нагло придуманы или списаны с провокационной фальшивки, или что другое? Не надо писать кругом да около, а ясно, без всяких завитушек. Ну, а что касается этических понятий, то, полагаю я, после попытки опорочить меня клеветническими заявлениями, не Вам укорять меня в отсутствии этики. Вы озаглавили свою статью "Еще о свободе слова" — посмотрим, как эта "свобода слова" у Вас работает.

Николай Нефедов

Ответ:

Н. Нефедов спрашивает меня, в какие органы он посылал доверительные письма. Странный вопрос, если он читал № 39 "Г. З.". В нем перепечатаны страницы "Русского Самосознания", где содержится отрывок из моего письма Н. Нефедову, которое я написала ему доверительно, когда он был еще сотрудником "Г. З.". Так что ответ на его вопрос очень прост: в "Русское Самосознание". Н. Тетенев пишет, что это письмо передал ему "старый друг". Т. к. это письмо было мною адресовано Н. Нефедову, то какой "старый друг", кроме Н. Нефедова, мог переслать его Тетеневу? Или у Н. Нефедова живет домовой, рассылающий его письма другим лицам без ведома самого Н. Нефедова? Ни о какой фантазии (Н. Нефедов пишет "фантазия") не может быть и речи, все напечатано черным по белому.

Что касается до участия Н. Нефедова в "Русском Самосознании", то Н. Тетенев переслал нам лишь заглавный лист одного из номеров своего журнала, где в числе авторов красуется имя Н. Нефедова. Разве это не участие? Даже если статья перепечатана из "Вече" (видимо, пришлась ко двору), редакция журнала всегда посылает автору номер с его статьей. Трудно предполагать, что Н. Тетенев был столь нелюбезен, и не послал

Н. Нефедову номера журнала с его статьей.

Совсем непонятно, почему Н. Нефедов пытается защитить "Русское Самосознание" от наименования его гитлеровским. Мы опять-таки отсылаем к № 39 "Г. З.", там перепечатан заглавный лист "Р.С.", где его редакция объявляет Гитлера своим духовным вдохновителем. Так чего же еще нужно?

Совершенно непонятно, при чем тут вторая эмиграция? Н. Тетенов принадлежит к третьей волне, и сам, — повторяем еще раз, — называет Гитлера вдохновителем его "борьбы". Кроме того, он рекламирует в своем журнале "Мою борьбу" Гитлера на русском языке и статьи Геббельса, Розенберга и того же Гитлера.

То, что Н. Нефедов приплет ни к селу, ни к городу вторую эмиграцию, к которой я принадлежу, выглядит почти как желание подказать известным органам, кого теперь

надо травить. Еще раз: Н. Тетенов никакого отношения ко второй эмиграции не имеет.

В чем незтичность поступков Н. Нефедова? В посылке моего ему доверительно написанного письма Н. Тетенову. Или это сделал домовой?

Отсюда ясно, что никакой клеветы на Н. Нефедова возведено не было.

Н. Нефедов является постоянным сотрудником "Вече", которое он повсюду весьма расхваливает. Это же "Вече" из номера в номер рекламирует Н. Тетенов.

Неужели издатель "Вече" О. Красовский ни разу не поделился со своим постоянным сотрудником Н. Нефедовым радостной вестью, что их общий альманах так усиленно рекламируется Н. Тетеновым?

На этом мы кончаем полемику по затро-нутому вопросу.

В. Пирожкова

ИЗДАТЕЛЬСТВО "РУССКИЙ КЛИЧ", адрес: N.TETENOV P.O.BOX 1890 RICHFIELD SPRINGS, N.Y. 13439, USA.

36. Речи Гитлера и Розенберга "Разоблаченный большевизм" 40стр. 1936	2.00
37. Адольф Гитлер "Моя борьба" 94стр./краткий шанхайский перевод 1935 г./	4.00
38. Д-р Геббельс "Теория и практика большевизма" 40стр. 1936	5.00
	4.00

Ч Т О Ч И Т А Т Ь:

"FREE WORD"

P.O.BOX 509 MOUNT VERNON

N.Y. 10550 USA /русский журнал/

АЛЬМАНАХ "ВЕЧЕ"

8000 MUNICH 2, THERESIENSTR. 118-120

WEST GERMANY

NIVA UNIVERSITY PRESS

P.O. BOX USA - 1

MOBILE ALABAMA, 36688 USA /русский журнал/

THE SPOTLIGHT

300 INDEPENDENCE AVE. S.E.

WASHINGTON, D.C. 20003 USA

THE THUNDERBOLT, INC.

P.O. BOX 1211

MARIETTA, GEORGIA, 30061 USA

Адрес:

N.Tetenov P.O. BOX 1890

Richfield Springs 13439 USA

Этот юмор раскрывает мириады истин.
Рональд Рейган

ДОРА ШТУРМАН, СЕРГЕЙ ТИКТИН

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ЗЕРКАЛЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО АНЕКДОТА**

Авторы собрали более 1500 политических анекдотов, относящихся к различным периодам истории Советского Союза, начиная с 1920-х гг. и до 1985 года. Анекдоты разбиты на 42 темы. Книга снабжена аналитическими вводными статьями и комментариями.

Заказы направлять по адресу:

**Overseas Publications Interchange Ltd.,
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England.**

Стоимость 12,5 ф. ст.

М. М. РОЗАНОВ

**СОВЕТСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ В МОНАСТЫРЕ
1922 — 1939 годы**

Книга первая. Издание автора, 1979, 302 стр. Стоимость 9 дол. Книга вторая. Издание автора, 1980, 176 стр. Стоимость 7 долл. Заказы направлять по адресу:

**Mr. Rozanov, P.O.Box 21, Sta F. Buffalo,
N. Y. 14212, USA.**

**ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, платинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem